

Нора Робертс

НОВИНКА
от автора
мировых
бестселлеров

Подводные камни

Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы

Нора Робертс
Подводные камни

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Робертс Н.

Подводные камни / Н. Робертс — «Эксмо», 2019 — (Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы)

ISBN 978-5-04-186302-9

Роман легендарной Норы Робертс, автора мировых бестселлеров. Суммарный тираж книг Норы Робертс превысил 500 млн экземпляров. Ее романы переведены на 35 языков мира. Каждую минуту на планете продается 27 экземпляров книг Норы Робертс. Никто не знает, какие страшные секреты хранит образцовая семья Зейна, выросшего в горах Северной Каролины.

Он был вынужден бежать из родного дома, куда вернулся лишь через девятнадцать лет. Теперь он полон решимости восстановить связь с этим местом и людьми, которые так много значат для него. Зейн знакомится с Дарби, ландшафтным дизайнером, которая недавно переехала в город и открыла свою фирму. Она не понаслышке знает, каково это – бежать от своего прошлого. Постепенно между героями завязывается роман. Но как обрести счастье там, где никто не должен узнать о твоих самых страшных секретах?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-186302-9

© Робертс Н., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	59
Часть вторая	68
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Нора Робертс

Подводные камни

Nora Roberts

Under Currents

Copyright © Nora Roberts, 2019

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Девочкам Гринбрайер: Джоанн, напарнице по тренировкам,
Кэт, моей милой, чудесной маме,
Лауре, главной распорядительнице,
Марии, подруге по шопингу,
Саре, духовному магистру*

Часть первая

Жестокость лжи

Жестокость и страх пожимают друг другу руки.
Оноре де Бальзак

Жестокое обращение с детьми отбрасывает тень на всю их жизнь.
Герберт Уорд

Глава 1

Снаружи дом на Лейквью-Террас выглядел идеально. Три величественных этажа из белого кирпича с широкими стеклянными окнами глядели на озеро и горный хребет. Тянулись вверх две декоративные башенки, отделанные медью. Они придавали дому европейского шарма с налетом роскоши.

Зеленела лужайка на пологом склоне; на широкой белой веранде с тремя ступеньками весной рдели рубиново-красные азалии. На заднем дворе стояла просторная крытая беседка с летней кухней, откуда открывался чудесный вид на озеро. Тщательно ухоженный розарий источал сладкие ароматы. В сезон у личного причала качалась тринадцатиметровая парусная яхта. Высокий забор с острыми зубцами обвивали вьющиеся розы.

В гараже стояли два «Мерседеса»: внедорожник и седан, а еще горные велосипеды, лыжное снаряжение – и никакого хлама.

В самом доме – высокие потолки и два камина, обрамленные тем же золотисто-коричневым кирпичом, что и фасад. Каждая деталь интерьера была подобрана с большим вкусом (хотя некоторые, возможно, решили бы, что с чрезмерным старанием).

Неброские цвета, гармонирующие материалы: все модно, но не слишком вычурно.

Доктор Грэм Бигелу купил участок под застройку, когда его сыну было пять лет, а дочери – три. Он выбрал самую подходящую планировку, внес необходимые изменения, подобрал отделку, плитку, брусчатку, нанял дизайнера.

Его супруга Элайза во всем полагалась на вкус мужа. На ее взгляд, тот был безупречен.

Порой она высказывала некоторые предложения. Их внимательно выслушивали и говорили о недочетах. Впрочем, иногда – не слишком часто – мнение Элайзы брали в расчет.

Как и Грэму, ей хотелось сполна насладиться всеми прелестями статуса, который мог предложить им новый элитный поселок на берегу озера в Северной Каролине. Элайза родилась в богатой, но консервативной семье, казавшейся ей скучной и пропахшей нафталином, – совсем как старый дом на противоположном берегу озера, где она выросла.

Поэтому она с радостью продала свою половину дома сестре и на вырученные деньги обставила новый особняк на Лейквью-Террас. Точнее, не задумываясь, передала чек Грэму, а уже тот обо всем позаботился.

Элайза ни разу не пожалела о принятом решении.

Они с Грэмом счастливо прожили там десять лет, воспитывая двух умных очаровательных детишек: устраивали званые обеды, коктейльные вечеринки, пикники в саду. Обязанности Элайзы как супруги заведующего хирургическим отделением в больнице Милосердия, располагавшейся в соседнем Эшвилле, заключались в том, чтобы выглядеть красиво и стильно, растить детей, вести хозяйство, развлекать гостей и возглавлять различные комитеты.

Трижды в неделю к ним приходили горничная и повар, раз в неделю – садовник; неподалеку жила сестра, которая с радостью соглашалась присмотреть за детьми, если Элайзе с Грэмом хотелось провести вечер наедине и отдохнуть от суеты. Поэтому Элайзе хватало времени следить за своей внешностью и гардеробом.

Будучи главой родительского комитета, она не пропускала школьные концерты. Иногда ее сопровождал Грэм, если не был занят на работе. С тех пор как Бритт исполнилось четыре, Элайза ходила на каждое балетное представление, занимая центральное место в первом ряду.

Еще она старалась не пропускать бейсбольные матчи сына, Зейна. Если вдруг не удавалось, она успокаивала себя тем, что школьный бейсбол – крайне унылое зрелище и соседи ее поймут.

Элайза никогда бы не призналась, что больше любит дочь. Бритт росла очень красивой, доброй и послушной девочкой. Ее не приходилось заставлять делать уроки, убираться в комнате, она не грубила родителям. Что до Зейна, тот уродился в тетку. Вечно огрызался, дулся и уходил в себя.

Впрочем, учился он хорошо, поэтому мальчику позволяли играть в бейсбол. Он, конечно, лелеял мечты стать профессиональным спортсменом, но это не более чем подростковые фантазии. Естественно, Зейн по примеру отца пойдет в медицинский.

Пока бейсбол был для него прянником, чтобы лишний раз не доставать кнут.

Если Грэм порой наказывал мальчика, то только ради его же блага. Надо воспитывать в детях характер, учить уважению и показывать границы дозволенного.

Как любил говаривать Грэм, в каждом ребенке заложены черты взрослого человека, значит, он должен вести себя подобающе.

За два дня до Рождества Элайза ехала домой по расчищенным улицам Лейквью. Она прекрасно провела время с подругами, хотя, возможно, выпила лишний бокал шампанского. Ничего страшного: хмель выветрился, пока она ходила по магазинам.

На Рождество они, по обыкновению, поедут кататься на лыжах. Точнее, кататься будет только Грэм с детьми, а Элайза отдохнет в спа-салоне. Сегодня она купила чудесные ботинки, их надо будет обязательно упаковать вместе с теплым бельем для Грэма, чтобы тот не мерз на горном склоне.

Она обвела взглядом соседние дома, украшенные к празднику. Красиво. Хорошо, что по распоряжению ассоциации домовладельцев на Лейквью-Террас запрещены безвкусные надувные Санта-Клаусы.

Впрочем, стоит отметить – их дом выглядит самым роскошным. В этот раз Грэм позволил жене выбрать рождественские украшения, и Элайза подошла к делу со всей душой.

С наступлением сумерек дом зажегся белыми огнями. Гирлянды подчеркивали строгие линии стен и обвивались вокруг елей в горшках на веранде. На двухстворчатых дверях блестели двойные венки с красными и серебряными лентами.

В гостиной, разумеется, стояла ель – четырехметровая, увешанная теми же гирляндами и серебристо-алыми звездами. Другое дерево, в аналогичной цветовой гамме, только с ангелами, поставили в прихожей. И, конечно же, украсили цветными лентами каминные полки и большой обеденный стол: стильно и со вкусом.

Украшения каждый год были новыми. Незачем упаковывать их в коробки и хранить целый год, когда можно просто взять напрокат, а потом сдать обратно.

Элайза никогда не понимала восторга, с которым родители и Эмили выкапывают из ящиков древние стеклянные шары или безвкусные деревянные фигурки. Это барахло пусть хранится в старом доме. Она, конечно, пригласит родителей на ужин, но потом они, слава богу, уедут обратно в Саванну.

Они всегда больше любили Эмили. Это же очевидно.

Элайза, размышляя о грустном, открыла гаражную дверь и вздрогнула, увидев, что машина Грэма уже внутри. Она торопливо глянула на часы и выдохнула. Не опоздала, просто он приехал раньше обычного.

Приободрившись, Элайза припарковалась рядом с машиной мужа и достала сумки с покупками.

Она прошла в прихожую, повесила пальто, сложила шарф, сняла ботинки и надела черные балетки «Прада», которые носила дома.

Грэм нашелся в кухне. Он, не сменив костюма и не сняв галстука, стоял возле стола.

– Ты рано!

Положив сумки на барную стойку, Элайза подошла к мужу и легонько поцеловала в щеку.

От него пахло диоровским «Саважем» – ее любимыми духами.

– Ты где была?

– О, пообедала с Мирандой и Джоди. Помнишь, мы договаривались? – Она небрежно махнула рукой в сторону календаря, висевшего в углу. – Потом прогулялась по магазинам...

Болтая, Элайза подошла к холодильнику и достала бутылку перье.

– Представляешь, столько людей до сих пор не купили подарки к Рождеству. Джоди, например. – Она бросила в стакан пару кубиков льда и залила минералкой. – Знаешь, Грэм, мне кажется, она никогда...

– Думаешь, мне есть дело до Джоди?

От его голоса – четкого, размеренного – по спине побежали мурашки.

– Конечно, нет, дорогой. Просто болтаю. – Элайза старательно держала улыбку, но в глазах уже билась тревога. – Давай ты сядешь, расслабишься? Я налью тебе выпить, и...

Грэм швырнул стакан к ее ногам. Хрусталь разбился, черканув осколком по лодыжке, которую защищало, когда в рану угодил брызнувший во все стороны скотч.

«Баккара», – с легкой волной жара подумалось ей.

– Выпить нальешь?! – Растеряв спокойствие и невозмутимость, Грэм буквально цедил сквозь зубы. – Я весь день ковыряюсь в чужом теле, спасаю жизни и должен приходить в пустой дом?

– Прости. Я...

– Прости? – Он схватил ее за руку, вывернул и прижал жену спиной к столешнице. – Просишь прощения за то, что не способна усидеть дома? За то, что шляешься весь день и тратишь впустую мои деньги, обедаешь, гуляешь по магазинам и сплетничаешь с идиотскими сучками, пока я по шесть часов подряд торчу в операционной?

Элайза задышала; сердце испуганно забилося.

– Я не знала, что ты вернешься так рано. Если бы ты позвонил, я сразу бы поехала домой...

– Я теперь должен перед тобой отчитываться?

Грэм говорил что-то еще, но она не слышала. Он выговаривал про уважение, про долг, про обязанности. В такие минуты он как никогда был похож на ангела-мстителя. Темно-русые волосы, идеально уложенные в прическу, и холеное красивое лицо, искаженное в гневной гримасе. Ярко-синие глаза пылали яростью.

Элайзу била дрожь, будто электрическим током.

– Это же есть в календаре! – вырвалось у нее. – Я говорила тебе утром!

– Думаешь, у меня есть время разглядывать твой дурацкий календарь? Ты должна быть дома, когда я переступаю порог. Ясно? – Он снова ударил жену о столешницу, отчего ее спину прострелило болью. – Я дал все, что у тебя есть. Дом, одежду, пропитание... Плачу за то, чтобы тут готовили и убирали, а взамен ты должна быть рядом, когда я скажу. Сидеть дома, когда я возвращаюсь. И послушно раздвигать ноги, если я решу тебя трахнуть!

В назидание он вдавился в нее твердым пахом.

Элайза хлестнула мужа по щеке, даже зная, что последует дальше. А может, именно поэтому.

Ледяная ярость сменилась жарким гневом. Грэм растянул губы в улыбке. И ударил ее в живот. Он никогда не бил ее по лицу.

* * *

Зейн Бигелов в свои четырнадцать лет отдал сердце и душу бейсболу. Девушки ему тоже нравились – он любил разглядывать их обнаженные фотографии с тех пор, как его приятель Мика показал, как обойти родительский контроль на компьютере. Однако бейсбол по-прежнему стоял на первом месте.

Первом и единственном.

Очень высокий для своих лет и поэтому ужасно нескладный, Зейн мечтал, что после школы попадет на глаза агенту «Балтимор Ориолс». Впрочем, он согласился бы и на любой клуб, потому что бейсбол был для него смыслом жизни и всегда стоял на первом месте.

Первом и единственном.

Он будет играть на шорт-стопе (к тому времени прославленный Кэл Рипкен уйдет на пенсию) и наверняка побьет все рекорды.

Зейн питал немалые амбиции. А еще мечтал увидеть голую девушку живьем.

В тот день, когда миссис Картер, мать Мики, везла их домой на своем «Лексусе», Зейн был в необычайно хорошем расположении духа, хотя в машине играла унылая Шер.

Зейн, как и все парни его лет, не питал особой страсти к автомобилям и предпочитал рэп (правда, включать музыку дома не осмеливался).

В общем, несмотря на завывания Шер, щебет сестры, обсуждавшей с подружками праздники, и Мику, уткнувшегося в свою приставку (на Рождество тот отчаянно мечтал получить новую модель, только что вышедшую на рынок), ничто не могло омрачить его счастья.

Никакой школы в ближайшие десять дней! Настроение не портила даже перспектива катания на лыжах (чего он терпеть не мог, особенно когда отец постоянно ставил в пример сестру, обожавшую лыжи).

Десять дней без математики! Математику Зейн ненавидел едва ли не сильнее, чем салат из шпината, – что говорило о многом.

Миссис Картер притормозила и выпустила из машины Сесиль Мальборо. Девчонки, как всегда, зашуршали рюкзаками, заохали и запищали.

Девочек приходилось обнимать на прощание, потому что впереди праздники. Зейна вечно заставляли обниматься по всяким глупым поводам. Он терпеть этого не мог.

Все желали друг другу счастливого Рождества, только Питу Грини – счастливых праздников, потому что он был евреем.

«Почти приехали», – подумал Зейн, наблюдая за плывущими мимо домами. Надо перекусить на скорую руку, а потом запереться в комнате – слава богу, никакой домашней работы и математики! – и часок поиграть в приставку.

Он знал, что Лоис на время их отпуска уедет по семейным делам, но она обещала приготовить перед отъездом лазанью. Лазанья у нее получалась отменная.

Правда, маме придется подогреть ее в духовке, хотя она, наверное, справится.

Вдобавок завтра приедут из Саванны бабушка с дедушкой. Жаль, они останутся у тетушки, однако можно будет съездить на велосипеде в старый дом у озера и поболтать. А заодно попросить Эмили испечь печенье. Ее не нужно долго уговаривать.

Потом всей компанией они вернутся в дом Зейна на рождественский ужин. Маме не придется ничего делать, даже разогреть блюда. Все сделает служба доставки.

После ужина Бритт сыграет на фортепиано (сам Зейн лишен этого таланта, что является еще одним поводом для придинок отца), а остальные споют.

Да, вечер будет скучным, но Зейн ничего не имеет против. Вдобавок он неплохо поет, так что, возможно, в этот раз обойдется без упреков.

Машина подъехала к дому. Зейн стукнул Мику по кулаку.

– Давай, приятель, хороших праздников.

– Взаимно, – ответил Мика. – Тебе того же.

Пока Бритт и Хлоя обнимались, будто видятся в последний раз, Зейн тихонько выбрался наружу.

– Счастливого Рождества, Хлоя. И вам, миссис Картер. Спасибо, что подвезли.

– Счастливого Рождества, Зейн. Всегда пожалуйста.

Миссис Картер улыбнулась, глядя ему в глаза. Для мамочки она была необычайно хороша собой.

– Спасибо, миссис Картер. Счастливого Рождества, – почти пропела Бритт. – Хлоя, я тебе позвоню!

Зейн закинул рюкзак за спину.

– Зачем? О чем вам разговаривать? Вы и так всю дорогу трепались, не умолкая.

– У нас много тем для обсуждения.

Бритт хоть и была ниже на целую голову, выглядела точной его копией: такие же темные волосы – только их она отрастила до талии и собирала на висках заколками с оленями, – такие же зеленые глаза. Разве что лицо было по-детски круглым, в то время как у Зейна уже проступили скулы. Эмили сказала, он взрослеет.

Правда, бриться еще не приходилось, хотя каждое утро он проверял, не отросла ли щетина.

Зейн не упустил случая уколоть сестру:

– Вы же ничего не обсуждаете. Только стонете: «О-о-о, Джастин Тимберлейк».

Он зачмокал губами, изображая поцелуи, отчего Бритт покраснела. Она тайком (хоть и не слишком скрываясь) вздыхала по Тимберлейку, и Зейн прекрасно об этом знал.

– Заткнись.

– Сама заткнись.

– Нет, ты!

Препираясь, они дошли до веранды, где немедленно замолчали, лишь обменялись злыми взглядами – потому что знали: если мать услышит споры, долгой лекции не избежать.

Зейн достал ключи: отец требовал, чтобы замки запирались вне зависимости от того, есть ли кто-нибудь дома. Он открыл дверь и сразу услышал крик.

Бритт побелела. Она распахнула глаза, которые заполнились страхом и слезами, и заткнула руками уши.

– Иди наверх, – велел Зейн. – Живо к себе. И не выходи.

– Он опять ее бьет. Снова!

Вместо того чтобы бежать в свою комнату, Бритт рванула в гостиную и встала на пороге, зажимая уши руками.

– Хватит! – закричала она. – Хватит, перестаньте, хватит!

Зейн увидел на полу пятна крови – мать пыталась уползти. Свитер у нее был порван, одна из туфель слетела с ноги.

– Идите к себе! – рявкнул Грэм, хватая Элайзу за волосы. – Вас это не касается.

Бритт истошно визжала. Зейн сгреб ее в охапку, пытаясь увести.

Отец свирепо уставился на дочь. В душе у Зейна всколыхнулся новый страх, прожигая все насквозь.

Он ни о чем не думал, не знал, что собирается делать. Просто оттолкнул сестру и встал перед ней, закрывая от отца худеньким телом.

– Отойди от нее, сукин сын!

Зейн налетел на Грэма. Тот – больше от неожиданности – отшатнулся.

– Пошел на хрен!

Для Зейна такое было впервые. В свои четырнадцать он ни разу не дрался, только изредка получал тычки и подзатыльники.

Отец размашисто заработал кулаками, метя в живот, иногда по почкам.

Туда, где не остается следов.

Один из ударов пришелся по лицу, и перед глазами все взорвалось. Зейна ударили еще дважды, и он упал, от дикой боли забывая про ярость и страх. Мир стал серым, сквозь пелену вспыхнули звезды.

Чувствуя по рту горечь крови и слыша крики сестры, он потерял сознание.

Следующее, что он помнил, – как отец, закинув его на плечо, идет наверх по лестнице. В ушах звенело, но он слышал, как Бритт плачет, а мать уговаривает ее молчать.

Отец грубо кинул его на матрас так, что Зейна подбросило, и от новой боли скрутило все тело.

– Еще раз проявишь неуважение и сломанным носом не отделаешься. Ты – сопляк, понял меня? Ты пустое место. Все, что у тебя есть – включая возможность дышать, – появилось благодаря мне.

Отец, нависая над ним, говорил спокойно и невыразительно. Зейн видел наверху двоящийся силуэт, но не мог даже кивнуть. Его трясло, зубы стучали от страха.

– Не выйдешь из комнаты, пока я не позволю. Общаться с посторонними я запрещаю. Я запрещаю рассказывать о личных делах нашей семьи, иначе сегодняшнее наказание покажется легкой разминкой. Вдобавок тебе никто не поверит. Ты пустое место. Я в этом городе царь и бог. Я могу убить тебя во сне, и мне ничего не скажут. Помни об этом, когда в следующий раз решишь показать характер.

Отец вышел, закрыв за собой дверь.

Зейн снова потерял сознание. Плавать в забытьи было легче, чем терпеть боль и вспоминать отцовские слова, ранившие едва ли не сильнее кулаков.

Когда он очнулся, в комнате заметно стемнело. Еще не вечер, но почти.

Нос совсем не дышал. Тело ломило, как при сильной простуде. Зейна трясло, ужасно кружилась голова, от боли пульсировало в глазах. В животе невыносимо саднило.

Он хотел сесть, однако комната заплясала вокруг, и Зейн испугался, что его стошнит.

Дверь хлопнула, и он съежился, готовый умолять, плакать, стоять на коленях, лишь бы его не били.

Вошла мать, щелкнула выключателем. От света больно резануло глаза, пришлось зажмуриться.

– Отец велел умыться, а потом приложить к лицу пакет со льдом.

Она говорила спокойно и равнодушно, ее слова резали по свежим ранам.

– Мама...

– Отец велел не вставать. Только в туалет. Как видишь, он забрал компьютер, игровую приставку и телевизор – все свои подарки. Тебе запрещено общаться с кем-то, кроме него или меня. Все рождественские праздники проведешь здесь один.

– Но...

– У тебя грипп.

Зейн искал у нее на лице хоть малейшую жалость или сочувствие.

– Я хотел помочь тебе. Испугался, что он ударит Бритт. Я думал...

– Я не просила твоей помощи и не нуждаюсь в ней. – Голос был до того отрывистым и холодным, что Зейна бросило в дрожь. – Это наши с отцом дела, не надо в них лезть. У тебя два дня на то, чтобы обдумать свое поведение.

Она повернулась к выходу.

– Делай, что тебе говорят.

Когда мать вышла, Зейн заставил себя подняться. Голова кружилась так сильно, что пришлось закрыть глаза и дышать через раз. На трясущихся ногах он доплелся до ванной, где его вырвало, и он опять чуть не потерял сознание.

Кое-как выпрямившись, он взглянул на себя в зеркало над раковиной.

Отражение было незнакомым. Рот распух, нижняя губа вздулась. Нос – как красный шарик. Оба глаза черные, один заплыл и почти не открывался. По всему лицу – подтеки засохшей крови.

Зейн поднял руку, дотронулся до кончика носа и охнул от боли. Лезть в душ было страшно – голова до сих пор кружилась, – поэтому полотенцем он кое-как оттер кровь, шипя сквозь стиснутые зубы и одной рукой держась за раковину, чтобы не упасть. Ослушаться приказа он боялся сильнее новой боли.

Текли слезы, но Зейн ни капли их не стеснялся. Все равно его никто не видит. Всем на него плевать.

Он медленно добрал до кровати и, выдохнув, сел, чтобы снять джинсы с ботинками. Приходилось постоянно замирать, переводя дух и дожидаясь, когда перед глазами перестанет двоиться.

В трусах и в толстовке он залез в постель, взял пакет со льдом, который принесла мать, и бережно, как мог, приложил к носу.

Голову пронзило болью, поэтому Зейн переложил пакет к глазу. Так стало чуточку легче.

Он лежал в полной темноте и строил планы. Надо бежать. При первой же возможности. Взять рюкзак с вещами и бежать. Правда, денег почти нет, они у отца. Только мелочь припрятана в ящике с носками. Удалось сэкономить на видеоиграх.

Можно уехать автостопом. От этой мысли сладко сжалось в животе. Хоть до самого Нью-Йорка. Он уйдет из этого дома, где все вылизано до блеска, но в углах прячутся грязные секреты.

Можно найти работу. Любую. И никакой школы. Все будет отлично...

Когда в двери шелкнул замок, Зейн снова очнулся, но притворился спящим. Судя по шагам, пришли не мать с отцом. Зейн открыл глаза в тот самый момент, когда Бритт осветила ему в лицо маленьким розовым фонариком.

– Не надо.

– Тихо... – шепнула она. – Свет включать нельзя, иначе они проснутся и увидят. – Бритт села на кровать и погладила его по руке. – Я принесла бутерброд с арахисовым маслом. Лазанью не смогла – они бы заметили, что не хватает. Тебе надо поесть.

– У меня болит живот.

– Хотя бы немножко. Попробуй.

– Уйди. Если тебя застукают...

– Они спят. Я проверила. Я никуда не уйду. Буду сидеть, пока не поешь. Зейн, прости меня...

– Не плачь.

– Ты сам плачешь.

У Зейна и впрямь текли слезы. Не было сил терпеть.

Шмыгая носом и утирая щеки, Бритт подалась к нему и погладила по руке.

– Я молока принесла. Они не заметят, что в бутылке стало меньше. На кухне я все вымыла; когда допьешь, заберу стакан.

Они говорили шепотом – давно привыкли, – но голос у нее дрожал.

– Зейн, он так сильно тебя избивал... Когда ты упал, он пнул с размаху в живот. Я думала, ты умер...

Бритт положила голову ему на грудь. Плечики дрожали. Зейн погладил ее по волосам.

– Тебя он не тронул?

– Нет. Только схватил, встряхнул и рявкнул, чтобы заткнулась. Я сразу замолчала. Очень испугалась.

– Хорошо. Молодец.

– Это ты молодец. – Голос у Бритт охрип от слез. – Ты хотел помочь. А она и пальцем не пошевелила. Ни слова не сказала. Он, когда успокоился, велел ей отмыть полы от крови и убрать на кухне стекла, а потом привести себя в порядок и накрыть к шести ужин.

Бритт села и протянула половинку бутерброда, который аккуратно разрешила надвое. В эту минуту Зейн любил сестру так сильно, что щемило сердце.

Он взял бутерброд, откусил кусочек и понял, что еда не просится наружу.

– Эмили и бабушке с дедушкой мы должны сказать, что ты болеешь. У тебя грипп, и ты на карантине. Тебе надо отдыхать, папа тебя лечит. А в горах мы скажем, что ты упал с велосипеда. Он так за ужином объявил. Мне пришлось есть вместе с ними, иначе он опять разозлился бы. Потом я ушла к себе, и меня вырвало.

Зейн, откусив от бутерброда, нашупал в темноте руку сестры.

– Как я тебя понимаю...

– Когда вернемся домой, скажем, что ты упал на лыжах. И папа тебя лечит.

– Еще бы, – горько вырвалось у Зейна. – Лечит...

– Он тебя снова побьет, если мы не будем слушаться. Так же, если не сильнее. Зейн, я не хочу, чтобы он тебя бил. Ты пытался остановить его, чтобы он не трогал маму и меня. Ты думал, он меня ударит. Я тоже так думала...

Зейн почувствовал, как сестра пересела, и в тусклом свете фонарика, который она положила на кровать, увидел, что она смотрит в окно.

– Когда-нибудь он и меня избьет...

– Нет-нет, что ты! – Внутри вместо боли нарастала ярость. – Ты не дашь ему повода. И я тоже.

– Ему не нужен повод. Это очевидно. – Бритт говорила совершенно по-взрослому, хоть и шмыгала носом. – Мне кажется, они нас не любят. Нельзя бить тех, кого любишь, и заставлять их врать. Или молча смотреть и ничего не делать. Мне кажется, они нас совсем не любят.

Зейн и сам прекрасно это знал – понял в тот момент, когда мать вошла и посмотрела на него безо всякого выражения.

– Мы с тобой друг друга любим.

Пока Бритт сидела рядом и следила за тем, чтобы он поел, Зейн понял, что не может сбежать и бросить ее одну. Он должен быть рядом. Должен стать сильнее. Набраться сил и дать отпор.

Чтобы защитить не мать, а сестру.

Глава 2

В канун Рождества Эмили Уокер предстояло немало дел. Она всегда составляла списки и пыталась следовать расписанию, однако всякий раз ужасно выбивалась из графика.

Всякий, мать его, раз!

Чем еще плохи списки? Тем, что в них вечно добавляются новые строчки, внося полный хаос в расписание.

Например, сегодня, помимо того чтобы навести в доме порядок, приготовить любимые папины отбивные и картофель с гребешками на ужин, выделить хоть минутку на уход за собой и съездить в Эшвилл забрать родителей из аэропорта, пришлось заскочить на рынок за курицей.

Бедного Зейна угораздило простудиться, поэтому Эмили решила сварить ему бульон. Потом суп надо отвезти на другой берег озера к сестре.

А еще – обменяться любезностями с Элайзой.

И это после того, как та решила, что рождественский ужин должен состояться в их старом доме!

Мол, ничего страшного.

Эмили торопливо переодевалась. Маску для лица, увы, пришлось отменить.

Элайза, как выяснилось, уже позвонила в службу доставки и оговорила новое место проведения торжества.

«Место проведения торжества», чтоб его! Кто вообще заказывает доставку на семейный ужин?

Элайза, мать ее, Уокер Бигелу – вот кто!

Теперь с ней придется любезничать. Не ляпнуть в адрес сестры ни одного лишнего слова, пока в доме родители. Доварить суп, который все еще кипел на плите, и отнести больному племяннику.

Заодно можно протащить контрабандой последний роман про Темную башню, потому что Кинг наряду со многими другими авторами не попал в список одобренной литературы для детей Грэма и Элайзы.

Знали бы они, что это сыграет против них. Зейн научился хранить секреты. «Возможно, даже слишком хорошо», – думала Эмили, накладывая на лицо макияж. Она проводила с детьми не так много времени, как хотелось бы, но всякий раз ее не покидало чувство... некоей фальши. Будто в их доме что-то не так.

А может, разыгралось воображение... Она надела сапоги. Вдруг Эмили просто ищет повод лишний раз упрекнуть сестру. В детстве они не были близки: противоположности не всегда притягиваются, и девятилетняя разница в возрасте пошла им не на пользу.

С годами сестры не стали ближе. Под нарочитой вежливостью скрывались подводные камни – активная взаимная неприязнь.

Если бы не родители и не племянники, Эмили была бы рада до конца дней вовсе не разговаривать с сестрой.

– Это ужасно, – бормотала она, спускаясь по лестнице. – Нехорошо так думать.

Самое страшное, что недобрые мысли в адрес сестры могли быть вызваны банальной завистью.

Элайза была красивее – и намного. Не то чтобы Эмили считалась дурнушкой (хоть и редко находила время поухаживать за собой), но Элайза выглядела намного роскошнее и фигуристее. Вдобавок, учитывая разницу в возрасте, она всегда и во всем становилась первой.

Она блистала на школьных спектаклях, возглавляла команду чирлидерш, стала королевой бала на выпускном.

Кому бабушка с дедушкой подарили новенький блестящий «БМВ»-кабриолет? Разумеется, Элайзе!

А еще она ухватила себе шикарного мужа – хирурга с внешностью кинозвезды. Помолвка прошла в шикарном загородном клубе, за ней последовал пафосный девичник и экстравагантная пышная свадьба.

«Выглядела она великолепно, этого не отнять», – думала Эмили, выключая плиту под супом. Словно королева в роскошном белом платье.

На сестру Эмили в тот день не обижалась. Она была рада за Элайзу – даже несмотря на то, что саму ее заставили надеть вульгарно-розовое платье с гигантскими плечами.

Потом обиды начали копиться с новой силой.

– Не думай об этом, – велела она себе, надевая пальто, шапку и перчатки. – Праздники, в конце концов. Бедняга Зейн болеет.

Она взяла сумку – где припрятала роман про Темную башню, – и подхватила кастрюльку, чтобы отнести в машину.

Пикап она отмыла и натерла воском – слава богу, вычеркнув хоть несколько пунктов из вчерашнего списка. Приборную панель больше не украшали липкие листочки с заметками. Еще Эмили лично проверила все арендованные домики, поэтому когда родители спросят (а они спросят), она сумеет отчитаться, что семейное предприятие «Уокер Лейквью бунгало» в надежных руках.

Ей нравилось заниматься гостиничным бизнесом после того, как родители ушли на покой. Правда, ее капельку возмущало (опять-таки), что каждый квартал приходится выписывать сестре чек. Та ни разу не ударила палец о палец, но родня есть родня – Элайза получала свою долю от семейного дохода.

По крайней мере, старый дом достался Эмили. Она огляделась, поставив кастрюлю с супом на пол под пассажирское кресло.

Дом ей нравился – деревянные и каменные стены, круглое крыльцо, виды на озеро и горы... Она прожила в нем всю жизнь и собиралась остаться до самой смерти. Детей у нее не было и вряд ли уже появятся, поэтому Эмили планировала в будущем отписать дом Зейну и Бритт.

Возможно, кто-нибудь из них здесь поселится. Или дом продадут, а может, сдадут в аренду. Она к тому времени умрет, и ей будет без разницы.

Вот такие веселые рождественские мысли...

Посмеиваясь над собой, Эмили залезла в пикап, думая о том, как красиво будет выглядеть дом в сумерках, когда зажгутся разноцветные гирлянды и в окне засверкает елка. Так бывало каждое Рождество в ее памяти. В доме запахнет сосной и клюквой, а еще теплым печеньем из печи.

Выехав на дорогу к озеру, Эмили сдула с глаз челку. Стрижке не нашлось места в рождественском списке, ее пришлось отложить до лучшей поры.

Проезжая вдоль озера, она включила радио, прибавила громкость и принялась подпевать Спрингстину. За окном неслись бунгало, причалы и жилые коттеджи. Вдалеке росли заснеженные горы, теряясь макушками в бледно-голубом зимнем небе.

Дорога вилась из стороны в сторону, то поднимаясь, то ныряя вниз. Эмили знала каждый ее сантиметр. Она свернула в город и проехала по Мейн-стрит, чтобы полюбоваться украшенными к Рождеству магазинами и гигантской звездой, вывешенной над отелем «Лейквью».

По дороге она увидела Сайруса Паффера – тот с большой сумкой наперевес шагал к своему фургону. С Сайрусом они когда-то были женаты. Брак продлился целых шесть месяцев (господи, с той поры миновало уже десять лет!), но они решили, что им лучше быть друзьями, чем супругами. Развод получился самым тихим и мирным на свете.

Эмили остановилась рядом и выглянула в окно, чтобы поздороваться.

– Ходишь по магазинам в последний момент?

– Нет. Хотя да. Вроде того... – Сайрус улыбнулся. Он был симпатичным парнем с яркими волосами и веселым нравом. – Марлен захотелось мороженого, причем обязательно с мятной шоколадной крошкой.

– Разве ты не идеальный муж?

Со второй попытки ему повезло найти свою половинку. Эмили сама их познакомила и даже была подружкой на свадьбе.

– Стараюсь. – Сайрус ухмыльнулся еще шире. – Хорошо ей не захотелось добавить сверху соленых огурчиков.

– О господи! – Эмили обхватила его голову обеими руками. – Господи, Сай! Ты скоро станешь папочкой!

– Вчера узнали. Она не хочет никому не говорить, только родителям. Но против тебя возражать не станет.

– Буду молчать. Господи, как я за вас рада... – Она потянула его на себя в окно, крепко целуя. – Лучший подарок на Рождество. Сай, обязательно передай ей от меня самые сердечные поздравления. Захочет поболтать – я всегда на связи.

– Конечно. Боже, Эмили, я так счастлив, сейчас лопну. Надо поскорей доставить мамочке мороженое.

– Скажи, что я обязательно устрою вечеринку по случаю родов.

– Правда?

– Зуб даю. С праздниками вас. Господи!..

Эмили улыбалась всю дорогу обратно к озеру. Наконец она въехала в Лейквью-Террас.

Всякий раз она ложилась спать с мыслью: «Если бы мне пришлось тут жить, я бы застрелилась». Дома, без сомнения, были роскошными и даже не совсем одинаковыми, потому что застройщики предлагали несколько планировок на выбор и множество дополнительных опций. Однако, на ее взгляд, в здешних местах царила нездоровая степфордская атмосфера. Все было выверено по линейке – вплоть до тротуаров, мощеных или посыпанных гравием дорожек и маленького парка только для своих с ровными рядами деревьев и аккуратно расставленными скамейками.

Впрочем, сестре здесь нравилось. Более того, идеальные ряды особняков с ухоженными газонами подходили Элайзе как нельзя лучше.

Напомнив себе, что надо быть милой, Эмили свернула на подъездную дорожку, взяла кастрюлю с супом и позвонила в дверь, будто посторонний человек. Впрочем, этот шикарный дворец всегда был заперт на все замки.

«Не забывай про улыбку», – напомнила она себе и оскалилась во все зубы.

Элайза открыла дверь – чертовски красивая в своих белоснежных брюках и красном кашемировом свитере, с идеально уложенными темными кудрями на плечах.

В глазах, таких же зеленых, как у Эмили, мелькнуло раздражение.

– Эмили? Мы тебя не ждали.

Да уж. Это не «Сестренка! С праздниками! Заходи!».

Эмили удержала улыбку.

– Я получила твое сообщение про Зейна и про завтрашний ужин. Пыталась перезвонить, но...

– Мы были очень заняты.

– Да, я тоже. Однако я приготовила Зейну фирменное мамино лекарство. Куриный суп с лапшой. Как он, кстати?

– Спит.

– Элайза, здесь холодно... Ты меня непустишь?

– Кто там, милая?

Грэм, лощеный, красивый (и тоже, разумеется, в кашемировом свитере, только серебристо-серого цвета), встал позади Элайзы.

Он улыбнулся, но одними губами – Эмили часто замечала за ним такую привычку.

– Эмили! С праздниками. Вот так сюрприз.

– Я приготовила Зейну суп. Решила по дороге заскочить, проведать его, а потом забрать папу с мамой из аэропорта.

– Заходи. Давай сюда кастрюлю.

– Она горячая. Лучше я сама отнесу на кухню, если ты не против.

– Нет, конечно. Спасибо, что постаралась. Зейн будет очень рад.

Эмили направилась в сторону кухни. Грэм шел рядом, ведя ее сквозь журнальное совершенство праздничного декора.

– Как здорово вы украсили дом. – Эмили поставила кастрюлю на плиту. – Давайте налью тарелку и отнесу Зейну наверх, посижу с ним немного. Думаю, он будет рад компании.

– Я же сказала, он спит!

Эмили взглянула на сестру.

– Ну, вдруг он уже...

– А еще он очень заразный, – добавил Грэм, обнимая жену за талию. – Нельзя, чтобы ты подхватила вирус, особенно когда предстоит общаться со стариками.

Эмили не считала своих родителей стариками, и это слово изрядно ее взбесило.

– Мы здоровы как лошади, вдобавок он все равно придет завтра на ужин, так что...

– Нет, он будет еще болен. Ему надо отдыхать, – заявил Грэм строгим медицинским тоном.

– Вы же решили перенести ужин ко мне...

– Да, так будет лучше для всех, – весело сказал Грэм. – Мы зайдем к тебе, поужинаем, пусть Элайза и Бритт пообщаются с родней. Мы ненадолго, буквально на полчаса.

У Эмили отвисла челюсть.

– Вы собираетесь бросить Зейна одного? В праздники?!

– Он все понимает. Тем более эти два дня он будет постоянно спать. Мы обязательно добавим твой суп в перечень его лекарств. Я знаю, как для него лучше, – продолжил Грэм, не давая вставить и слова. – Я не только отец, а еще и врач.

От одной мысли, что Зейн проведет Рождество один, в постели, больной, сердце сжалось.

– Так неправильно. Давайте лучше мы... не знаю – наденем маски? Он же еще ребенок. Нынче Рождество...

– Мы его родители. Нам решать, – отрезала Элайза. – Когда у тебя будут свои дети, вот тогда и думай, как лучше для них.

– А где Бритт? Я хоть с ней поздороваюсь...

– У себя. Готовит рождественский проект. Что именно – великая тайна. – Грэм поднес палец к губам. – Завтра удивитесь. Еще раз большое спасибо за то, что подумала про Зейна и потрудились сварить ему суп.

Он отошел от Элайзы, крепко обнял Эмили, развернул ее к выходу и повел к дверям, едва ли не подталкивая в спину.

– Передай Квентину и Эллен, что мы ждем не дождемся завтрашней встречи.

– Я... я могу привезти подарки сегодня, чтобы Зейн открыл с утра.

– Не надо. Эмили, ему четырнадцать, он давно не маленький. Будь осторожна на дороге.

Грэм выставил ее на крыльцо практически силой. Глотая злые, разочарованные слезы, Эмили зашагала к пикапу.

– Так неправильно, неправильно, неправильно... – твердила она под нос, заводя двигатель и вырывая на дорогу.

Но она всего лишь тетя. От нее ничего не зависит.

* * *

На будильнике у Зейна было шесть сорок пять. Он знал, что уже вечер. Взаперти он провел больше суток; голова и живот болели так сильно, что поспать удалось лишь урывками. Боль не унималась, теперь к ней добавился лютей голод.

Вторую половинку бутерброда он съел утром. Сразу после восьми мать принесла сухие тосты, небольшой кувшин с водой и еще один пакет со льдом.

Вода и хлеб. Так кормят в тюрьме.

Впрочем, он и есть в тюрьме.

Мать не сказала ни слова. Он тоже.

Теперь было почти семь вечера, и к нему до сих пор никто не заглядывал. Зейн ужасно переживал за сестру. Наверное, ее тоже заперли. Иногда он (Зейн больше не считал этого мужчину своим отцом) сажал их под замок. Правда, ненадолго, вдобавок у них был телевизор, компьютер и прочие развлечения.

Зейн пытался читать – книги у него не забрали, – но все тело ныло, и мигрень разыгралась с новой силой. Он поплелся в душ, потому что от боли весь взмок, а Зейн не терпел, когда от него воняло.

Под струями воды он разревелся, как ребенок. Лицо выглядело хуже, чем у Рокки после нескольких раундов с Аполло Кридом.

Надо стать сильнее. Отец у Мики занимается спортом. Он собрал дома тренажерный зал. Можно попросить его, пусть научит обращаться с гантелями. Зейн скажет, что решил накачать мышцы перед новым бейсбольным сезоном. А через три с половиной года он уедет в колледж.

Но как тогда бросить Бритт?..

Что, если пойти в полицию и рассказать им? Однако начальник полиции играет с его отцом в гольф. В здешних краях уважают доктора Грэма Бигелу...

Думать об этом было слишком мучительно. Зейн стал думать про бейсбол. Он держал бейсбольный мячик под одеялом, мял его и гладил, как ребенок – плюшевого мишку.

Щелкнул замок. Зейна к тому времени так измотал голод, что он с облегчением перевел дух.

Он увидел отца. Грэм стоял на пороге, темным силуэтом вырисовываясь на фоне света из коридора: высокий и широкоплечий. В руках он держал поднос и врачебный саквояж.

Он вошел, поставил поднос на скамейку в изножье кровати. Вернулся, включил свет – ужасно резанувший по глазам – и закрыл за собой дверь.

– Сядь, – велел он.

Снова задрожав, Зейн подчинился.

– Голова кружится?

«Осторожнее, – подумал Зейн. – Надо быть почтительным».

– Да, сэр, немного.

– Тошнит?

– Не так сильно, как вчера.

– Рвота была? – спросил Грэм, открывая сумку.

– Один раз прошлым вечером, и все.

Грэм достал фонарик и осветил Зейну в зрачки.

– Следи за пальцем.

Свет ужасно резал по глазам, но Зейн подчинился.

– Голова болит?

– Да, сэр.

– В глазах двоится?

– Уже нет, сэр.

Грэм проверил уши и зубы.

– Кровь в моче была?

– Нет. Нет, сэр.

– У тебя легкое сотрясение мозга. Повезло, учитывая твоё вчерашнее поведение.

Поверни голову.

Грэм зажал пальцами распухший нос. Тот снова прострелило болью. Зейн закричал, пытаясь вырваться. Грэм полез в сумку за инструментами, и Зейн покрылся липким потом от дикого страха.

– Пожалуйста... Прошу, не надо. Папа, умоляю!

– Держи голову. – Грэм схватил Зейна за горло и несильно сжал. – Господи, веди себя как мужчина.

Зейн против воли заорал. Он не мог сдержаться. Он не знал, что делает отец. Даже если бы открыл глаза, ничего не увидел бы за красной пеленой боли.

Текли слезы. Их он тоже не мог сдержать.

Когда все кончилось, он свернулся на кровати дрожащим клубком.

– Можешь поблагодарить меня за то, что у тебя не будет искривления носовой перегородки. Я жду, – сказал Грэм.

Зейн сглотнул подкатившую к горлу желчь.

– Спасибо.

– Прикладывай лед. Останешься в комнате ближайшие два дня. Послезавтра мы поедем в горы. Ты упал с велосипеда. Не смотрел, куда едешь. На курорте будешь сидеть в номере. Когда вернемся, скажешь, что упал с лыж. По собственной вине – еще не выздоровел после гриппа, но проявил упрямство. Если вздумаешь сказать что-нибудь другое, все закончится очень плохо. Тебя запрут со всякими отбросами. Понял?

– Да.

Зейн, не открывая глаз, знал, что Грэм стоит над ним – рослый, мускулистый и со злой ухмылкой.

– На следующей неделе напишешь бабушке и дедушке письмо, поблаговаришь их за подарки, которые они имели неосторожность тебе купить. Сами подарки пойдут на благотворительность. Те, что купили мы с матерью, вернутся в магазин. Ты плохо себя вел и ничего не заслуживаешь. Понял?

– Да.

Какая разница, это мелочи. Пусть уходит скорее...

– Компьютер тебе вернут только для занятий. Я буду проверять каждый вечер. Если за ближайший месяц проявишь должное раскаяние и покажешь успехи в учебе и если я сочту, что ты усвоил урок, тебе вернут остальные вещи. Если нет – их передадут более достойному юноше. Еще я отзову свое разрешение играть в бейсбол – не только на следующий сезон, а вообще. Понял?

Господи... Зейн не знал, что в нем может поместиться столько ненависти.

– Да, сэр.

– Если не справишься, я подумаю о том, чтобы перевести тебя в военную академию. Твоя тетя сварила тебе суп. Будь любезен поблагодарить ее, когда будешь разговаривать с ней в следующий раз. Если я позволю вам увидеться.

Наконец – слава богу! – Грэм ушел, заперев за собой дверь.

Зейн лежал, съежившись, в одной позе, пока не перетерпел новые приступы боли. Он знал, что отец жесток, что он умеет носить маску идеального мужа, отца и соседа, пряча подлую натуру. Но до сегодняшнего дня он не понимал (или не признавал), что его отец – чудовище.

– Никогда больше не назову его папой, – поклялся Зейн. – Ни за что.

Он заставил себя подняться и сесть на скамейку в изножье кровати. Взял тарелку с супом. Холодный. Очередная подлость.

Но этот у блюдок все равно проиграл. Зейн в жизни не ел ничего вкуснее.

Набравшись сил, он снова принял душ, потому что ужасно вспотел. Потом через боль долго ходил кругами по комнате. Пора становиться сильнее. Хорошо бы поесть еще супа, однако больше ему не дали. Вместо этого Зейн протер лицо кубиком льда.

Услышав снизу рождественскую музыку, Зейн подошел к окну. По ту сторону озера мерцали огни. Он увидел дом своей тети. Они с бабушкой и дедушкой праздновали Рождество. Интересно, вспоминают ли там про него?

Наверное, да. Подхватить на праздники грипп – что может быть постыднее...

Они ничего не знают – ничегошеньки. Даже если бы знали, что толку? Против столь уважаемого человека, как его отец, выступить бесполезно. Если доктор Грэм Бигелоу говорит, что его сын упал с велосипеда или разбился, катаясь на лыжах, ему поверят. Никто не подумает, что он способен избить родного сына.

А если и подумает – эту ситуацию не переломить.

В военную академию Зейну нельзя. Он там не выживет. И Бритт бросать нельзя.

Значит, надо притворяться, как родители. Делать вид, будто он усвоил урок. На все вопросы твердить «да, сэр». Учиться на пределе сил. Выполнять все, что от него требуют.

В один прекрасный день он повзрослеет, наберется сил, храбрости – и перестанет носить маску.

Но кто ему поверит? Может быть, тетя? Возможно. Ей, кажется, не очень нравится его отец – да и мать, судя по всему, тоже.

Она им не нравится в ответ, они постоянно говорят про Эмили всякие гадости: что она ничего не добилась в жизни, не смогла даже удержать мужа.

Снизу донеслись звуки пианино, и Зейн счастливо выдохнул. С Бритт все в порядке, раз она играет.

И все-таки – вдруг удастся собрать доказательства? Если попросить Мику, тот поможет, например, установить скрытую камеру или еще что-нибудь. Хотя нет, Мику втягивать нельзя. Вдруг он проболтается родителям, а те скажут отцу.

Тогда никакого бейсбола, только военная академия и очередные побои.

К такому Зейн не готов.

А если все записать?..

В порыве вдохновения он подошел к столу и нашел блокнот с ручкой. Нет, сейчас писать нельзя. Родители могут зайти перед сном. Если застукают – конец.

Зейн принялся ждать, лежа в темноте и для спокойствия сжимая бейсбольный мячик.

Он слышал, как отец крикнул внизу:

– Сладких снов, Бритт!

Та отозвалась:

– Спокойной ночи.

Мгновение спустя Бритт зашептала из-за двери:

– Я не могу войти. Прости. Я слышала, как ты кричал, но...

– Все хорошо. Не переживай. Иди спать, а то увидят.

– Прости, – повторила она.

Соседняя дверь хлопнула. Зейн ненадолго задремал. Его разбудил смех матери. Родители поднимались по лестнице, негромко переговариваясь. Прошли мимо его комнаты. Зейн затаился, закрыл глаза и принялся дышать как можно тише, потому что ни капли им не верил.

Он оказался прав – через несколько минут щелкнул замок. В уголках глаз покраснело от света. Зейн не открывал их, но старался не сжимать веки слишком плотно – так будет понятно, что он притворяется.

Дверь закрылась, замок снова шелкнул, однако Зейн все равно ждал, отсчитывая минуты.

Через полчаса, почувствовав себя в безопасности, он прокрался к столу и достал блокнот и две ручки. На всякий случай отнес их вместе с фонариком, который оставила Бритт, в постель.

Если услышит шаги за дверью, то успеет спрятать улики под одеяло и притвориться спящим.

В тусклом луче света Зейн принялся писать.

Возможно, мне не поверят. Он слишком уважаемый и авторитетный человек. Но мой учитель по английскому говорит, что полезно вести дневник: он помогает уложить в голове мысли и лучше запоминать события. Мне нельзя ничего забывать.

Это случилось двадцать третьего декабря тысяча девятьсот девяносто восьмого года, когда я с моей сестрой Бритт вернулись из школы («мы... вернулись», – исправил он). Мать лежала на полу. Отец опять ее избивал, а когда я хотел помочь ей, избил и меня.

Зейн писал больше часа.

Когда рука вконец устала, он достал монетку из записки и с ее помощью открутил крышку на вентиляционном отверстии, спрятав внутри блокнот. Туда же отправились и ручки, хотя в одной кончились чернила.

Потом он улегся в постель и заснул.

Глава 3

Зейн сделал все, как ему велели. Боль утихла, синяки сошли. В горах никто не усомнился в словах доктора Бигелю, который сказал, что сын упал с велосипеда и должен отлежаться в номере. В Лейквью поверили в басню про падение с лыж.

Неладное заподозрила разве что Эмили, удивившись, почему толком не выздоровевшему мальчику разрешили кататься, но это ничего не изменило.

Жизнь шла своим чередом.

Зейн усвоил одно: надо быть осторожным.

Он без лишних напоминаний убирался в комнате, безропотно выполнял обязанности по дому. Учился – больше из страха, нежели из интереса. Если оценки будут ниже ожидаемого, его снова накажут и запретят играть в бейсбол. Бейсбол был не только единственной мечтой и страстью, но и шансом на спасение.

Если удастся подписать контракт, он уедет из города и забудет его, как страшный сон.

Все вели себя так, будто двадцать третьего декабря ничего не было. Дом на Лейквью-Террас пропитался ложью. Зейн с честью выдержал отцовские испытания – ему хватило ума понять, в чем они заключаются. Неожиданные тычки и пощечины без причины – и довольное выражение лица, когда сын смиренно опускал глаза, ничего не отвечая.

Ночью, в тишине комнаты, Зейн писал правду.

Двенадцатое января. Грэм толкнул меня в стену. Сказал, я весь ужин сидел с надутым лицом и не выказал должного уважения. Я попросил отца Мики никому не рассказывать, что он меня тренирует – мол, хочу устроить сюрприз. Он все равно не общается с Грэмом. Помоему, тот ему не нравится. Дэйв сказал, что не надо обращаться к нему «сэр», иначе ему кажется, что он снова в армии. Раз мы тренируемся вместе, можно звать его по имени. Дэйв классный!

Второе марта. Я стал сильнее!!! Выжимаю семь килограммов по двенадцать раз в три подхода. А еще поднял штангу в тридцать пять кило. Набрал два килограмма. Дэйв говорит, это мышечная масса. Завтра у нас первая предсезонная игра, и тренер сказал, у меня не рука, а ракета! Видимо, накачал. На тренировке я получил одиночный балл и тройной, и целых два очка для команды. Завтра мы точно разгромим «Иглз»! Элайза велела вытащить тарелки из посудомоечной машины. Я сказал: «Конечно». Грэм дал пощечину. Нельзя говорить «Конечно», надо говорить «Да, мэм», иначе я никчемный маленький засранец. Потом дал пощечину ей за то, что не исправила меня, и назвал ее тупой сукой. Бритт хотела заплакать, но я строго посмотрел на нее. Не хватало еще, чтобы и ей досталось.

Зейн заполнял дневник каждую ночь, подробно описывая свои игры, тренировки с Дэйвом и стычки с отцом.

С волнением и гордостью он написал про победу в чемпионате. Про то, с каким довольным видом отец сидел на трибуне, а потом всю дорогу домой критиковал поведение Зейна на поле. Про то, как Дэйв Картер хлопнул его по спине и назвал чемпионом.

К пятнадцати годам – день рождения у него был летом – Зейн вытянулся до ста восьмидесяти сантиметров и весил пятьдесят восемь кило. Когда Дэйв в шутку назвал его «тощей машиной для убийства», он не знал, что Зейн именно к этому и стремится.

В ночь на двадцать третье декабря Зейн проснулся в холодном полу. Ему приснилось, что отец нашел дневники и забил его до смерти.

Наяву все было тихо, праздники прошли спокойно.

У Зейна появилась девушка – Эшли Кинсдейл, блондинка с веселыми глазами, отличница и спортсменка. В мае он впервые позвал ее на свидание, пригласив на школьные танцы.

Дэйв обещал отвезти их вместе с Микой и его девушкой – геймером и занудой Мелиссой «Мэл» Райли.

Зейну пришлось купить новый костюм и туфли. Он корчил недовольные гримасы, но в глубине души был рад. Вдобавок выяснилось, что он подрос на пять сантиметров и прибавил в размере ноги.

Свою прическу он не любил – отец заставлял носить армейскую стрижку, тем самым напоминая про военную академию, – однако в остальном Зейну нравился его внешний вид. Он надеялся к концу школы дорасти до ста девяноста сантиметров. Тогда он окажется одного роста с Грэмом. Тем самым Грэмом, который называет Эшли «шлюхой», если ее нет рядом.

Живот у Зейна до сих пор ныл от удара, которым его наградили, когда он забылся и в ответ на очередную издевку поднял глаза.

Два года два месяца. Столько времени осталось до восемнадцатилетия и свободы. Родители думают, он поступит в Чапел-Хилл и будет изучать медицину. Ни за что! Зейн нацелился на Университет Южной Калифорнии. Тот на другом конце страны, и у них серьезная спортивная программа.

Он подаст заявку туда и еще в Университет штата Калифорния в Фуллертоне. И в Аризону тоже. Если Барри Бондс учился в Аризоне, то и Зейн Бигелоу неплохо там устроится.

Письма он отправит с адреса Эмили – ей к тому времени он расскажет о своих планах. Только попросит держать в секрете. Эмили его не выдаст, Зейн почти не сомневался. Он не хочет быть врачом, тетушка его поймет. Если дадут стипендию, все получится. Без стипендии нельзя – Грэм не станет платить за учебу.

У Зейна был неплохой средний балл – четыре и две десятых по углубленной программе. Вдобавок тренер обещал дать рекомендации.

Математика и естественные науки давались ему с трудом, но Зейн старался не хватать плохих оценок. За это он будет обязан Мике по гроб жизни.

На экзаменах он набрал сто девяносто баллов. По математике – всего пятьдесят, за что получил несколько ударов по печени и почкам. Математику придется пересдать в следующем году.

Впрочем, об этом он подумает после. Сегодня у него свидание!

От стука в дверь Зейн напрягся, однако затем вспомнил, что родители никогда не стучат. Он впустил Бритт.

– Боже, только гляньте на него.

– Неплохо, да? Если не обращать внимания на дурацкую прическу.

– Тебе хотя бы не приходится каждый день завязывать волосы в хвост или крутить пучок на репетицию. Хлоя недавно подстриглась и покрасилась. Так здорово выглядит. Мне уже тринадцать, а у меня прическа как у восьмилетки.

– Мика и Мэл вообще ходят с одинаковыми синими прядями.

– Да, они чудики. – Бритт плюхнулась на кровать. – Кстати... Ты знаешь Мэйджера Лоури?

– Да, немного. Новенький, играет в баскетбол. Говорят, получил приглашение из университета. А что?

Она накрутила кончик хвоста на палец.

– Ничего. Просто интересно...

– Да ладно, – фыркнул Зейн. – Он в старшей школе. А ты еще нет.

– Через год тоже там буду.

– Вау, да ты в него втрескалась! – Зейн расхохотался. – Учись целоваться с зеркалом, а то...

– Заткнись!

Как и полагается старшему брату, Зейн зачмокал губами, изображая поцелуй. И вдруг замер.

– Господи, Бритт, даже не думай.

– Не твое дело.

Она, задрвав подбородок, хотела встать, но Зейн махнул рукой.

– Мэйджер ведь черный.

У Бритт вспыхнули глаза.

– Не думала, что ты расист!

– Ну же, Бритт, пойми уже.

Она еще выше вздернула подбородок.

– Я все понимаю.

– Ты слышала, что он говорит про Эшли только потому, что ее дедушка приехал из Ирландии. Как, по-твоему, он отреагирует, когда узнает, что ты встречаешься с чернокожим парнем?

Бритт снова упала на кровать.

– Без разницы. Такое чувство, он вообще не помнит о моем существовании.

Если Грэм хотя бы заподозрит неладное...

– Будь осторожнее. И умнее. Еще пять лет. Знаю, это долго, но рано или поздно все закончится.

– Мама говорит, мне надо стараться изо всех сил, чтобы меня в шестнадцать лет пригласили на бал дебютанток. Танцевать, хорошо учиться, следить за манерами. Тебе хотя бы разрешают играть в бейсбол. А у меня одни дурацкие платья с бусами!

Бритт снова вскочила, вскидывая руки:

– Это не мое. Не хочу такой быть!

– Думаешь, я хочу? – Зейн провел пальцами по волосам. – Будь умнее и осторожнее. Особенно когда я уеду в колледж. – Он с опаской посмотрел в сторону двери. – Я хочу рассказать обо всем Эмили перед отъездом.

– Не смей! – В глазах у Бритт вспыхнул ужас. – Он же взбесится.

– В том-то и дело. Он взбесится, когда поймет, что я поступил не в Чапел-Хилл, когда поймет, что я уехал. И тогда выместит злобу на тебе. Одной тебе не справиться. Эмили поможет.

– Что она сделает?

– Не знаю. Что-нибудь. – Зейна и самого изрядно грызли сомнения. – Я не оставлю тебя одну, без поддержки.

– Ты не сможешь защищать меня всю жизнь.

– Смогу. Поговорим потом, не здесь, не дома. Обсудим. Может, и родителям Мики скажем.

– Зейн, нельзя! Они все равно не поверят.

– Дэйв работает на «Скорой». Он знает Грэма, и тот ему не нравится. Он никогда не говорил прямо, однако я чувствую. Потом обсудим, – повторил Зейн. – Знай, тронуть тебя я не позволю.

Бритт хотела сказать что-то еще, но покачала головой.

– Что?

– Ничего. Потом. Если нас услышат...

Зейн читал про военнопленных, про то, как они строили планы побега. Себя с Бритт он тоже воспринимал пленниками в родном доме. Однако впереди его ждало целых четыре часа свободы. Пока он не вернется домой, все будет хорошо.

Вечер начался не слишком весело: пришлось зайти за Эшли и сфотографироваться с ней миллион раз. Проводить ее вышли даже бабушка с дедушкой, они сделали уйму фотографий, разговаривая со смешным акцентом.

Эшли с густыми кудрями, которые завилла ей мать, выглядела на удивление хорошенькой. Зейн сказал, что у нее красивое платье: синее и впрямь было ей к лицу.

Зал для танцев оформили в пляжной тематике. Декорации не произвели на Зейна особого впечатления, но музыка и освещение ему понравились.

По сравнению с Микой, из которого был никудышный танцор, Зейн неплохо двигался. Особенно по вкусу ему пришлись медленные танцы, когда надо было просто раскачиваться из стороны в сторону, обнимая льнущую к нему всем телом Эшли.

Она даже позволила потрогать себя за грудь – сквозь одежду, разумеется. Зейн надеялся, что скоро его допустят до голой плоти.

Судя по тому, как улыбалась Эшли, надежды были вполне обоснованны.

Она обняла его за шею и потянула вниз, намекая, что хочет поцеловаться. На вкус ее губы были сладкими, будто леденцы, и от нее пахло цветами.

– Отличный вечер, – пробормотала Эшли. – Еще неделя занятий, и лето.

– Три с половиной дня, – уточнил Зейн.

– Тем более. Я буду скучать, когда ты уедешь на каникулы в Италию.

– Ты сама уедешь в Ирландию. – Он прижал ее к себе. – Хорошо бы поехать в одно время... Тогда мы хотя бы окажемся в одной части света.

– Обязательно пиши. Я буду отвечать. Жаль, у тебя нет телефона. Мы бы тогда переписывались каждый вечер.

– Постараюсь раздобыть. Родители против. Попрошу Эмили, чтобы купила мне, а я отдам ей деньги.

Главное, надежно спрятать аппарат рядом с дневниками.

– Было бы здорово. Не могу представить себе жизнь без телефона. Ты же отрезан от всего света. Он есть у каждого. Твои родители такие строгие!

Эшли даже не представляла, насколько...

– Да, есть немного.

– Что ж... – Песня закончилась, и Эшли замерла, прижимаясь к Зейну. – Мы теперь старшекласники. Совсем взрослые. Может, они успокоятся?

– Может. Давай ненадолго выйдем и...

Эшли снова улыбнулась, понимая, что скрывается под этим «и».

– Давай.

Вечер выдался прохладным, с озера дул ветер, и Зейн отдал Эшли свой пиджак. Вышли многие – поговорить, покурить, дунуть. Или ради «и».

Курильщиков и наркоманов Зейн обходил стороной. Ему и без того светила военная академия. Он отвел Эшли подальше в тень, где можно было спокойно поцеловаться и потискать ее за грудь.

Стоило подумать об этом, как Эшли отстранилась.

– Давай не будем торопиться.

Сердце у нее колотилось, она часто и прерывисто дышала. Еще бы минуту, хотя бы секунд тридцать, и...

– Не хочу останавливаться! – Эшли покачала головой. – Но надо.

– Эшли, ты мне очень нравишься.

– Ты мне тоже. Только нам пора возвращаться. Не злись.

– Я не злюсь. – Зейн был весьма разочарован – а еще с таким стояком, что не сумел бы сделать и шага. – Я все понимаю. Просто... Я постоянно о тебе думаю. О том, чтобы быть с тобой.

Глаза у нее были похожи на озеро: такие же чистые, голубые и прозрачные.

– Я о тебе тоже. Поэтому нам пора идти. Бабушка залетела от деда как раз в моем возрасте.

– Господи!

– Ага. Пойдем обратно в зал.

О подобном развитии событий Зейн даже не думал. Он не знал теперь, что сказать.

Стояк вызывал еще больше неудобств.

– Мне надо немного... Ну...

Эшли посмотрела вниз и хмыкнула. В голубых глазах мелькнула ирония.

– О. Ясно. Давай поговорим про математику.

– Давай.

Зейн прекрасно провел тем вечером время. Проводив Эшли до дверей, он получил в награду взрослый поцелуй. Чтобы лишний раз не смущаться, пришлось по дороге к машине повторить таблицу умножения.

Надо будет обязательно описать сегодняшний вечер в блокноте: тогда удастся пережить его еще раз. Вдобавок появится хоть одна запись без гадостей – ни контрольных, ни домашки, ни издевок Грэма.

– Спасибо, что подвез, – сказал он Дэйву, обмениваясь рукопожатием с Микой.

Зейн направился к двери, мечтая пройтись по окрестностям и повспоминать про Эшли и их последний поцелуй. Правда, тогда он пропустит комендантский час.

Может, получится заглянуть на кухню, что категорически запрещалось после ужина, но за время танцев Зейн сильно проголодался. Хорошо бы сделать бутерброд. Правда, есть подозрение, что Грэм пересчитывает ломтики ветчины.

Наверное, не стоит лишний раз нарываться. Грэм и без того в последние дни пребывает не в духе. Не раздает тычки и оплеухи, а только рычит, словно собака перед тем, как броситься.

Когда Зейн отпер двери и вошел, его встретили очередным рыком:

– Ты опоздал.

Грэм стоял в холле, держа стакан с виски. Глаза были холоднее обычного.

– Сэр, сейчас половина одиннадцатого.

– Одиннадцать тридцать четыре. Или ты разучился определять время?

– Нет, сэр.

– Каждая минута стоит денег. Важно соблюдать правила. Покидать дом ради развлечений – это привилегия, а не право.

– Да, сэр.

«Два года и два месяца», – мысленно, словно мантру, твердил про себя Зейн.

– Мое время ценно особенно. Думаешь, мне больше нечем заняться, кроме как ждать сына, неспособного соблюдать простые правила?

Зейн, подчиняясь инстинкту, не поднимал глаз. Что-то было не так: то ли выпивка тому виной, то ли давало о себе знать напряжение последних дней.

– Простите, сэр. На дорогу, чтобы отвезти девушек, ушло больше времени, чем...

Он ждал, что его толкнут, если не хуже, поэтому послушно отшатнулся на пару ступеней вниз.

– Думаешь, мне нужны твои оправдания? Ты должен быть более ответственным, следить за временем и соблюдать правила. Поскольку ты, как обычно, хамишь и проявляешь неуважение, ты наказан на две недели. Никаких звонков по телефону и компьютерных игр. Тебе запрещается выходить из дома даже на тренировки.

Зейн вскинул голову.

– Сэр, мы едем на чемпионат. Должны выиграть второй раз подряд, и...

В ответ самодовольно зарычали:

– Значит, ты из-за своей безалаберности подвел команду. Обойдешься в этом году без славы. Ты неудачник, Зейн, и всегда им был.

Зейна вдруг осенило, ярко, как прожектором.

– То есть все именно поэтому? Ты не хочешь, чтобы я играл и выделялся? Ищешь любой предлог, чтобы мне запретить? Ты...

Кипя от ярости, он не заметил удара.

– Еще плюс две недели.

Отбросив бокал, Грэм сгреб Зейна за грудки и прижал к двери.

В эту секунду Зейн понял, что прав. Четыре минуты – лишь предлог, чтобы отнять у него любимое занятие.

Руки сжались в кулаки.

– Ты пил?

– Нет.

Грэм снова его ударил.

– Не ври мне! Принимал наркотики?

– Нет.

– Значит, валялся в кустах с этой маленькой шлюхой, так?

– Нет! Эшли не шлюха!

– Обычная шлюха, а ты слишком тупой, чтобы понять: ей нужны только мои деньги. Не смей приходить посреди ночи, полураздетый, и говорить, что не трахался с ней.

Зейн, как и все парни, во время танцев снял пиджак и галстук.

– Я не принимал наркотики, не пил и не занимался сексом. Я был на школьных танцах!

От удара в живот ожидаемо перебило дыхание.

– Значит, никакой ты не мужик, раз не способен залезть этой мелкой шлюхе в трусы.

– Грэм!

Тот даже не оглянулся на жену.

– Заткнись. Я занят.

– Бритт плохо. Ее вырвало на пол.

– Так вытри!

– Грэм, ее рвет, и у нее истерика. Сделай что-нибудь!

– Хорошо, как хочешь.

Он отпихнул сына в сторону и рванул вверх по лестнице.

Зейн почти бесстрастно смотрел, как Грэм молотит жену кулаками, а Элайза кричит и отбивается. Пусть грызутся, словно дикие звери, главное – чтобы не трогали Бритт.

Зейн стал подниматься по ступенькам, но на шум и крики выбежала сестра. Белая, как призрак, она заткнула уши.

– Хватит, хватит! Прошу! Я не могу! Я больше не вынесу!

Ее с размаху ударили. Зейн увидел, как сестра падает на пол, и внутри у него что-то сломалось. В ярости он ринулся вперед. Грэм развернулся к нему, и Зейн вскинул кулаки.

– Посмотрим, как тебе такое понравится.

Натренированные за год мышцы не подвели, а изумление на лице Грэма и брызнувшая кровь только подстегнули Зейна.

Со всех сторон неслись вопли. Зейн не останавливался – не мог, пока мужчина перед ним стоит на ногах.

Краем уха он слышал, как Бритт зовет на помощь, выкрикивая адрес. Элайза ногтями вцепилась ему в лицо, но он не чувствовал боли.

Потом он упал. Долго летел, кувыряясь. Локоть врезался в ступеньку, как молоток в шляпку гвоздя. Что-то треснуло, сломалось, разбилось вдребезги, и красным расцвела боль. Зейн ударился головой.

Оглушенный, он попытался встать, сумел вскарабкаться на колени и поднял трясущиеся кулаки.

Грэм не спешил его бить. Наверху никого не было. Бритт перестала кричать.

Понимая, что случилось нечто страшное, Зейн привстал, но снова упал. Нога не слушалась. Он пополз.

Зейн добрался до лестницы в тот самый момент, когда наверху появился Грэм. Он тащил Бритт за волосы. В руке держал докторский саквояж.

Бритт не сопротивлялась, не плакала, вообще не двигалась, и Зейн впервые за все время испугался за жизнь сестры.

– Не трогай ее, сукин сын!

– Это ты сделал, – ровно и спокойно ответил Грэм, спускаясь по лестнице. – Про военную академию можешь забыть. Еще будешь о ней мечтать, но поздно.

Он встал над Зейном и, склонив голову набок, принялся его разглядывать.

– Ты слишком похож на мать – и внешне, и полным отсутствием амбиций, и дурными манерами. Я даже не уверен, что ты от меня.

– Хотелось бы.

Тот лениво пнул Зейна в живот.

– Юридически я твой отец и уважаемый член общества. У каждого действия есть свои последствия. Готовься их принять.

– Вали на хрен со своими последствиями. Что ты сделал с Бритт?!

– О, нет-нет, сынок. Это сделал ты.

Завыли сирены. Слава богу, Бритт вызвала помощь. Наверное, позвонила в Службу спасения.

– Тебя запрут до конца дней.

Грэм усмехнулся, покачал головой, поставил саквояж на пол и направился к двери.

– Такой идиот не мог от меня родиться. Элайза!

– Да-да, Грэм?

– Помни, что я сказал, и говори в точности как я.

Он распахнул дверь, вдохнул поглубже и выбежал.

– Сюда! Сюда!

Грэм замахал руками, подзывая полицейскую машину. Голос у него дрожал, он умудрился выдавить несколько слез.

Ни капли не удивившись, он увидел, что из машины вылезает начальник полиции собственной персоной. Грэм нарочно поддерживал дружбу с Томом Бостом, считая того полезным идиотом.

Главное, не переигрывать. Грэм согнулся, упираясь руками в колени, словно не мог отдышаться.

– Господи, Грэм. Какого черта у вас случилось? Из твоего дома поступил вызов.

– Том, боже!.. Нам нужна «Скорая».

– Сейчас приедет.

– Зейн... нет, я не могу... Он напал на мать. Ударил ее, Том. Кулаком в лицо. А потом и малышку Бритт. Я бросился к нему, хотел успокоить. Мы стали драться. Он упал с лестницы. Бритт пришлось дать успокоительное. Мой мальчик совсем озверел, Том. Мне кажется, он сошел с ума.

– погоди. Стой здесь.

Бост подал знак одному из патрульных.

Да, звонок в Службу спасения из дома Бигелоу воистину творит чудеса. Грэм покачал головой и вслед за Томом вернулся в дом.

– Том... Том... – Элайза на лестнице держала в руках обмякшую Бритт. – Нам нужна «Скорая», срочно. Моя детка... Моя девочка...

– Сейчас будет. Господи, Зейн. – Том присел на корточки. – Что на тебя нашло? Ты принял наркотики?

– Нет. Нет! Он снова избил ее, а потом хотел избить Бритт. Я пытался ему помешать.

– Как ты можешь такое говорить? – Элайза, всхлипывая, качала Бритт. – Грэм в жизни не поднимал руку ни на кого в этом доме! Господи, Зейн, что ты наделал?

Тот лишь ошарашенно таращил глаза.

– Она врет. Она его покрывает!

– Он вернулся со школьных танцев, позвал меня. Я была наверху. Бритт стало плохо, ее тошнило. Я пыталась помочь ей, сказала, что сейчас не до него. А он... просто взбесился. Ударил меня.

Элайза прижала трясущуюся ладонь к щеке.

Баюкая раненую руку, Зейн чувствовал, как у него умирает душа.

– Как ты можешь?.. Что ты за мать?

– Он всегда ревновал к Бритт, но я даже не представляла, насколько...

Элайза прижала дочь к себе и громко разрыдалась.

В дом забежали медики.

– Сперва ими займитесь.

Бост указал наверх.

Грэм взял свой саквояж.

– Их надо отвезти в больницу.

– Ты поедешь с ними? – спросил Бост.

Грэм кивнул.

– Том, нам надо поговорить. Не здесь. Он утверждает, что не принимал наркотики и не пил, – добавил он для фельдшеров. – Но я ему не верю. Он прежде баловался.

– Неправда!

– Зейн, полегче.

Зейн узнал одного из медиков – Нейта, приятеля Дэйва.

– Я никогда ничего не принимал. Богом клянусь. Ни разу!

– Ладно, сынок, мы разберемся.

Зейн устало закрыл глаза.

– Это вряд ли.

– Не смейте давать ему обезболивающее, – распорядился Грэм, выходя с Бостом на крыльцо. – Надо взять анализ на наркотики. Ему верить нельзя.

– Я не употребляю наркотики. – Слез не было, только бесконечная усталость. – И не пью. За такое сразу выгоняют из команды. У нас скоро чемпионат.

Было больно – так же больно, как и двадцать третьего декабря. Когда на лодыжку с рукой наложили шину, боль самую малость отступила.

Зейна подняли на каталку и стали выносить. Вернулся донельзя мрачный Бост.

– Надо надеть на него наручники.

– Господи. – Нейт взялся за здоровое плечо Зейна. – У него сломана рука и, может, раздроблен сустав. Лодыжка, по всей видимости, тоже серьезно пострадала. Как минимум растяжение. Он не способен стоять. Еще у него сотрясение, и он в шоке. Куда он, по-вашему, денется?

– Таков порядок. – Бост выпятил подбородок. – Он обвиняется в нападении по трем статьям.

Зейн пристально глядел Босту в глаза, пока тот пристегивал его к каталке. В них не было ни сочувствия, ни тени сомнений. Как и обещал отец.

И все же он рискнул:

– Я не виноват.

– Зейн, твои родители говорят одно и то же. Твоя сестра под успокоительным, но с ней мы поговорим завтра. – Бост сжал ему ладонь, то ли успокаивая, то ли обнадеживая. – Тебе окажут надлежащую помощь.

Его выкатили на крыльцо. Из домов выглядывали соседи – он слышал их голоса. Кто ему поверит? Никто. Ни единая душа.

Зейн уставился в небо. Там светили те же звезды, на которые он любовался час назад вместе с Эшли. Однако теперь все изменилось. Мир уже не будет таким, как прежде.

Услышав торопливые шаги, он съезжился. Это отец. Он хочет его прикончить.

Никто не скажет ему ни слова.

Но за руку его схватил Дэйв.

– Зейн, все будет хорошо!

– Я не бил Бритт. И мать не трогал.

– Естественно, не трогал. Какого черта ему надели наручники?!

– Дэйв, отойди.

– Что вообще тут происходит? Я высадил его из машины полчаса назад. Он с моим сыном ходил на танцы. Прекрасно провел время. Зейн, что случилось?

– Он снова ее бил. Начал с меня, потом взялся за нее. Только в этот раз ударил и Бритт. Я не смог терпеть. Хотел его остановить.

В глазах Дэйва он увидел неожиданное. Тот ему поверил.

– Где, черт возьми, Грэм Бигелу?

– Едет в больницу вместе с женой и дочкой. Дэйв, мне это тоже не нравится, но Зейна обвинили в нападении. Ему сейчас окажут медицинскую помощь, а потом отправят в Банкомб.

– Господи, Том, ты же знаешь мальчика!

Бост упрямо стоял на своем.

– Его родителей я тоже знаю, и оба дали показания. Дэйв, у меня нет выбора. Ему предъявили обвинение, и судья Уоллес вынес постановление. Ты обязан отойти.

– Черта с два. Я медик и еду вместе с ним. Кто-то должен поддержать мальчика. – Дэйв забрался в «Скорую», помогая затащить каталку. – Нейт, доложи, как обстоят дела?

Зейн нащупал его руку.

– Он чудовище, – выдавил он, когда двери закрылись.

– Кто, дружище?

– Грэм Бигелу. Он чудовище. И Элайза тоже. Не дай им тронуть мою сестру.

– Не переживай. Успокойся. Мы все решим.

Неужели ему верят? Хоть кто-то? Зейн закрыл глаза. Хоть кто-то... Крохотный лучик надежды причинял не меньше боли, чем раненая рука.

– Скажи Эмили. Позвони ей, расскажи, что случилось. Прошу.

– Хорошо. Не волнуйся.

– Пусть присмотрит за Бритт. Я теперь не смогу.

Дэйв погладил его по голове, и в глазах появились слезы. Зейн отвернулся и дал им волю.

Глава 4

Все вокруг было как в тумане. Сирены, огни, голоса...

Глаза он не открывал. Так было чуточку легче.

Опять какие-то крики, требования вызвать врача. Сквозь шум и суету, сквозь грохот пульса в голове пробивался голос Дэйва – тот остался рядом.

Зейну было без разницы.

Господи, до чего он замерз. Почему так холодно?

Ужасно хотелось спать. Жаль, под рукой нет бейсбольного мячика. За него можно было бы держаться.

Они соврали. Его родители – люди, которые должны любить его, заботиться и беречь – соврали. Зейн не знал, где они сейчас. Может, здесь, в этой же больнице, только не прикованы наручниками к каталке...

Скорее всего, они приехали сюда, потому что Грэм впервые на его памяти ударил Элайзу по лицу. Зейн знал, зачем. Грэм ударил ее, чтобы доказать свою правоту. Что Зейн врет и это он избил родную мать.

И Бритт – тоже.

Глаза распахнулись сами. Зазвенели наручники – он попытался встать.

– Бритт. Он ударил Бритт!

– Эй, полегче. – Чтобы успокоить его, а заодно проследить за пульсом, Дэйв взял Зейна за руку. – Тебе надо на рентген.

– Он ударил ее. Ударил! За то, что она звонила в Службу спасения. Я все слышал. Хотел его остановить. Он столкнул меня с лестницы, схватил ее и что-то ей вколол. Ты должен узнать, как сильно она пострадала. Где она сейчас?

– Я все выясню, – пообещал Дэйв. – Эмили я уже позвонил, как ты и просил. Она едет. Еще я договорился, чтобы тебя осмотрела доктор Маршалл. Она лучший хирург в городе. Просто гений.

– У нас скоро чемпионат. Он сказал, я опоздал на пять минут. Поэтому наказан. Никакого бейсбола.

– Господи... – Дэйв с силой провел ладонями по лицу и протяжно выдохнул. – Ты должен все рассказать полиции.

– Я пытался. Мне не верят. Он так и обещал. Его здесь уважают, а я – пустое место.

– Не желаю слышать этот бред. – Дэйв подался ближе, чтобы их лица оказались на одном уровне. – Зейн, держись. Будь сильным. Гляди на меня, смотри в глаза. Я тебе верю. Сделаю все, что смогу. Во-первых, разберемся с переломами. Починим тебя, будешь как новенький.

– Меня посадят в тюрьму. Присматривай за Бритт. У сестры никого не будет, кроме Эмили. А ее к нам не пускают.

– Обязательно присмотрю.

Зейн огляделся – от остальных их отгораживала тонкая занавеска. Он заговорил вполголоса:

– Ты должен зайти к нам домой, когда никого не будет. Возьми мои ключи. Они в кармане.

– Зачем?

– Я все записываю. В дневник. Он под столом в вентиляции. Может, мне поверят, если увидят записи.

– И давно ты... – Дэйв замолчал, потому что занавеску отдернули. – Похоже, пора на рентген.

Он все же украдкой залез в карман Зейна и вытащил ключи.

Мальчика в сопровождении полицейского повезли на рентген. Потом вернули, но в другой кабинет – судя по табличке, процедурную. Полицейский остался дежурить под дверью.

Вошла врач, ужасно похожая на бочонок: такая же низкая и коренастая. Волосы с густой сединой были заплетены в косу.

– Привет, Зейн. Я доктор Маршалл. – Она взяла его карту. – Давай-ка глянем, как обстоят дела. – Темные, будто у вороны, глаза прищурились, и она хищно уставилась на Дэйва: – Ты в курсе, почему Зейну до сих пор не дали обезболивающее?

– Отец сказал, он может быть под кайфом. Запретил, пока не придут результаты анализов.

– Я их только что видела. Все чисто. Господи... Прости, малыш.

Доктор Маршалл распахнула двери, позвала медсестру и принялась, словно генерал, раздавать приказы.

Через пару минут мир вокруг стал заметно ярче.

– У него пальцы холодные, – пробормотал Дэйв. – Локоть и вовсе ледяной.

– Дэйв, я все вижу на снимках. Итак, Зейн, есть хорошие новости. Нога не сломана. Ужасное растяжение и порваны связки. Но это лечится – холодный компресс, покой, и мы наденем тебе специальный бандаж. Я объясню, что именно надо делать. Потом, через пару дней, начнем физиопроцедуры.

Пьяный от анестезии, Зейн улыбнулся.

– А где плохие новости?

– У тебя в руке три кости, и все три сломаны. Еще раздроблен сустав, мой мальчик. Я наложу шину, и она поможет терпеть боль и избежать смещения. Надо по возможности держать руку выше сердца. Когда опухоль спадет, мы вправим кости и наложим гипс. Может, придется поставить пару штифтов, посмотрим.

Зейн опять улыбнулся.

– Звучит не так уж страшно.

– Вот это настрой! Да, предстоит операция, но я в этом деле мастер. Вдобавок, ты молодой и в отличной форме. Мы тебя починим, станешь как новенький. Договорились?

– Ага. Только я буду в тюрьме. Меня отпустят на операцию?

Улыбка в ее глазах померкла.

– Как решит тюремный врач. Я просто даю рекомендации. Лицо тебе тоже не мешало бы починить, да?

– Нос в этот раз не сломан. Я помню, каково это.

Вороньи глаза стали очень яркими, будто в их глубине вспыхнуло пламя.

– Вот и славно. Не тошнит, не двоится? – уточнила доктор Маршалл, бережно беря его за подбородок.

Зейн услышал снаружи голос Эмили и дернулся.

– Успокойся, – велел Дэйв. – Пусть врач делает все, что надо. Я подожду за дверью.

– Скажи ей про Бритт! – Туман в голове развеялся, и снова накатила паника. – Ты должен ее найти. Он ее избил. Я хотел ему помешать. Почти справился, но он все равно был сильнее.

– Кто ее избил? – Промакивая царапины, доктор Маршалл махнула Дэйву, чтобы тот вышел.

– Грэм. Я так называю его про себя. После двадцать третьего декабря. Не прошлого года, а предыдущего, когда он сломал мне нос и сильно избил.

Дэйв вышел и увидел, как Эмили кричит на полицейского.

– Эй, Джим! Ты ведь знаешь Эмили. Это тетюшка Зейна.

– Я всего лишь выполняю приказ. Запретили пускать в палату всех, кроме медицинского персонала. Что мне остается?

Дэйв покачал головой и взял Эмили за руку.

– Давай поговорим.

- Какого черта происходит? Что с Зейном? Меня даже к Бритт не пускают!
- Расскажу, что знаю. Сперва то, что твоя сестра с мужем сообщили копам, а потом то, что Зейн сказал мне. Предупреждаю сразу: сам я верю Зейну.
- Дэйв выложил все без прикрас. Эмили привалилась к стене и побелела.
- Надо было догадаться... Как я ничего не замечала? Господи, они же дети. И давно?..
- Не знаю. Как думаешь, Зейн говорит правду?
- Эмили, несмотря на бледность, разозлилась.
- Конечно!
- Его переведут в Банкомб, центр содержания под стражей в Эшвилле, как только закончат с процедурами.
- Но почему так быстро... Грэм! – Эмили стиснула зубы и выдохнула. – Это все Грэм. Он знает ниточки, за которые надо дернуть. Я могу внести залог?
- Эмили, я не знаю. Зейн дал мне ключи от их дома. Попросил зайти и взять тетради, где описал происходящее. Они в тайнике. Ума не приложу, чем это поможет, но лишним не будет.
- Ты не боишься? Это ведь незаконно...
- Зейн на меня рассчитывает. Он славный парнишка, Эмили. Дружит с моим сыном. Грэм, насколько я понял, не первый год над ним измывается.
- Эмили вытерла лицо, смагивая слезы. Откуда они взялись – она же в бешенстве?
- А что Бритт?
- Понятия не имею. У меня сложилось впечатление, что ее избili в первый раз.
- Мне не дали с ней увидеться. Не сказали даже номер палаты. Говорят, так велел доктор Бигелу. Никаких посетителей.
- Легкое сотрясение мозга, ушиб лица, множественные синяки. Прости, – добавил Дэйв, когда у Эмили опять потекли слезы. – Он еще дома вколол ей снотворное. Я знаю здешних медсестер, все у них выяснил. Она сейчас отдыхает. Спит.
- Он покосился на полицейского и отвел Эмили в сторону.
- Пойду проверю, здесь ли Грэм и Элайза. У них тоже были синяки.
- Эмили стиснула кулаки так, что побелели костяшки.
- Вот бы еще добавить!..
- Дэйв снова оглянулся.
- Я не хотел оставлять Зейна одного, пока ты не приедешь. Скажу ему, что ты здесь и что с Бритт все хорошо, она спит. Потом пойду за дневниками. Его скоро заберут, Эм, здесь мы ничего не поделаем. Ты должна поехать в полицию и все им рассказать. Я пока принесу тетради. Только к нашим, в Лейквью, не ходи. Лучше в Эшвилл.
- Дэйв, спасибо тебе за все.
- У меня тоже есть дети. Господи, этому мальчику сейчас очень нужен отец. Ты постарайся его успокоить, когда за ним приедут из Банкомба.
- Эмили принялась ждать, расхаживая взад-вперед по коридору. Она позвонила старому приятелю, ныне юристу из Роли, подняв того с постели, чтобы спросить совета. Записала имена двух адвокатов по уголовным делам, с неохотой пообещав не будить их посреди ночи.
- Мысленно составила список. Полиция, адвокат, может, служба опеки. И да – поговорить с сестрой.
- Когда врач вышла, Эмили бросилась к ней.
- Как он? Все хорошо? Я его тетушка. Эмили Уокер. Родная тетя.
- Я не могу сообщать детали. Это против правил. Скажу лишь одно: Зейну оказывают помощь, и он чувствует себя неплохо, насколько возможно в его обстоятельствах.
- Эээ... Доктор? – Полицейский откашлялся. – Я должен спросить, все ли готово? Снаружи ждет перевозка до Банкомба.
- Доктор Маршалл подбоченилась.

– А если я скажу, что нет? Что его надо оставить под наблюдением?
Полицейский шаркнул ногой, глядя в пол.

– Вынужден ответить, мадам, что в таком случае его осмотрит доктор Бигелоу и даст свои рекомендации. Послушайте, мне это тоже не нравится, но парень избил мать и младшую сестренку.

– Вранье! До последнего слова!

Джим ощерился, хоть и старался не смотреть Эмили в глаза.

– Так говорят его родители. Закон гласит, что он должен отправиться в Банкомб до суда. Поэтому или расписывайтесь, док, или я зову доктора Бигелоу. Мальчика в любом случае заберут.

* * *

Зейну стало лучше. То ли помогли обезболивающие, то ли причудливая шина, но на каталку он взобрался своими силами.

Вскоре его разбудили – пришел санитар в сопровождении полицейского и пересадил Зейна на инвалидную коляску. В коридоре к нему бросилась Эмили.

– Мальчик мой!

– Мэм, вам нельзя...

– Заткнись, Джим, или, богом клянусь, я скажу твоей матери, какой ты грубиян, – огрызнулась та, бережно глядя Зейна по разбитому лицу. – Я знаю тебя еще со школы, Джеймс Ти Джексон, и никогда мне не было так за тебя стыдно!

– Эмили, я не виноват...

– Не надо, – перебила та Зейна. – Я все знаю.

– Присматривай за Бритт.

– Конечно.

– Обещай! Сделай все, чтобы он ее не трогал.

– Жизнью клянусь, слышишь? Я не позволю тронуть племянницу, чего бы мне это ни стоило. А ты держись, мой мальчик. Я найду тебе адвоката. И я, и Дэйв, и твои бабушка с дедушкой, и все, кто тебя знает, – мы постараемся вытащить тебя любой ценой.

– Это просто тюрьма. Дома было намного хуже.

– Мэм, мы должны его забрать. Отойдите.

– Я верю тебе, Зейн, и верю в тебя. И ты мне верь. Обещаю, жизнью клянусь, я все сделаю...

Она поцеловала Зейна в разбитую щеку, заставила себя выпрямиться и отойти.

Увидев, как его укачивают, Эмили отвернулась к стене и заплакала. Рыдая, она вытаскила из кармана звонящий телефон.

* * *

Бритт очнулась в темноте. Она застонала и прижала пальцы к пульсирующей щеке.

Вспыхнул свет. Рядом с кроватью стоял отец.

Кажется, она в больнице. У отца все лицо было в синяках: глаз подбит, губа распухла.

Смотрел он холодно и очень зло.

– Слушай внимательно, – начал он. – Утром придет полиция, и ты скажешь, что тебя избил брат. Он ударил твою мать и толкнул ее на пол. Затем тебя. Что было потом, ты не помнишь. Только как кричала мать, а тебя тошнило и кружилась голова. Ясно?

«Будь умницей, – говорил ей Зейн. – Веди себя осторожнее».

– Да, сэр.

– Ты видела, как я дерусь с Зейном. Испугалась. Побежала звонить в Службу спасения. Он оттолкнул меня и опять тебя ударил. Больше ты ничего не знаешь. Ясно?

Видя на его лице синяки, оставленные братом, Бритт в душе злорадствовала.

– Да, сэр.

Он подался ближе, и сердце забилося испуганной птицей.

– Знаешь, что будет, если скажешь хоть одно лишнее слово? Думаешь, тебе сейчас плохо? Это цветочки. Мы с матерью рассказали полиции, что наделал твой брат. Нам, разумеется, поверили. Зейна, скорее всего, уже забрали в тюрьму.

– Не надо, пожалуйста!..

Он зажал ей рот ладонью и стиснул пальцы.

– Забудь про брата. Он болен, у него проблемы с психикой. Видимо, подсел на наркотики. Он напал на родителей и сестру, теперь до восемнадцати лет будет сидеть в тюрьме. Вам запретят общаться. Его больше не впустят в наш дом. Поняла? Кивни.

Бритт кивнула.

– С девочками, которые не слушают родителей, происходят очень плохие вещи. Особенно когда отец – врач.

Грэм отпустил ее, отошел на шаг и улыбнулся.

– Не расстраивайся. Ты теперь будешь единственным ребенком в семье. Тебе достанется все наше внимание и подарки. Подумай об этом.

Он направился к двери.

– И да – тетушку можешь не ждать. Я запретил медсестрам ее пускать. Боюсь, она дурно на вас влияет. Скорее всего, именно ее стараниями Зейн подсел на наркотики. Отдыхай. Утром заберем тебя домой. Я пока схожу к твоей маме, потом лягу спать.

Он закрыл дверь. Бритт замерла под одеялом. Тишину нарушало лишь ее дыхание – частое, прерывистое, оно отзывалось гулом в ушах. Надо успокоиться. Мама Хлои ходила на йогу и все время повторяла, что нужно следить за дыханием. Бритт попыталась выдохнуть, вспоминая, что говорила миссис Картер, когда показывала им с Хлоей упражнения.

Надо выбираться отсюда как можно скорее. Она не поедет домой, ни за что. Она не будет единственным ребенком в семье...

Дыхание снова участилось, к глазам подкатили слезы. Бритт стиснула зубы. Он сказал, Зейна отправят в тюрьму. Надо что-то делать. Но как быть, если полиция верит родителям?

Голова ужасно болела. Вот бы уснуть сейчас, а утром проснулся, как будто ничего не случилось. Только так не бывает. Все происходит в реальности, и спать нельзя. Скорее всего, полиция ей и не поверит, но можно рассказать все Эмили. И миссис Картер тоже. Вдруг они помогут?

Бритт тихонько встала и на цыпочках подошла к туалету. Нащупала выключатель, зажгла там свет и прикрыла дверь, оставляя тонкую щелку, чтобы ориентироваться в палате.

Одежды не было, обуви тоже. Телефон забрали. Грэм все продумал. До последней мелочи.

Бритт не была дурой. Она знала, что первым делом надо найти телефон.

Она подошла к двери, приоткрыла ее. Света стало больше, из коридора слышался шум, однако суэта давно улеглась. Бритт не знала, сколько времени – часы он тоже забрал, – но явно было поздно. Скорее всего, дело шло к утру.

С колотящимся сердцем она босиком, в больничной пижаме выскользнула из палаты, пробежала по коридору и нырнула в следующую дверь.

Там стояло две койки, но занята была лишь одна. В ней спал ребенок. Маленький, младше ее. На тумбочке возле кровати лежал телефон. Бритт схватила его, отошла в дальний угол, села на пол и позвонила домой Эмили. Трубку никто не брал. Когда включился автоответчик, к глазам опять подкатили слезы.

Бритт вспомнила другой номер. Мобильный. Если и там не ответят...

– Я слушаю.

– Эмили... – по старой привычке зашептала в трубку Бритт. – Ты должна нам помочь.

– Бритт! Господи, Бритт! Меня к тебе не пускают. Как ты, все хорошо?

– Все очень плохо. Без тебя мы не справимся. Папа сказал, Зейна отправят в тюрьму. Он запретил рассказывать о том, что было, иначе станет хуже. Это не Зейн, это папа!

– Знаю, детка. Знаю. Скажи, в какой ты палате. Постараюсь к тебе прийти. Я здесь. В больнице.

– Т-ты... здесь? – Хлынули слезы, в груди стало тесно от отчаянной надежды. – Ты здесь...

– Да, здесь. Сейчас приду за тобой. Какая палата?

– Я не там. Он забрал одежду и обувь. Телефон тоже. Я в другой палате, тут спит ребенок. Не приходи! Он дал медсестрам указания. Тебя выгонят и сообщат ему. Я сама спущусь.

– Бритт...

– Дойду до лестницы и спущусь.

– По какой именно лестнице? Ты знаешь, где ты?

– Я в палате... – Она посветила телефоном в сторону двери. – Номер сорок шесть двенадцать. Наверное, в педиатрии, потому что тут ребенок.

– Ясно. Иду в ту сторону. Если тебя не будет через пять минут, я поднимаюсь.

– Я спущусь. Уже иду.

Бритт хотела бросить телефон и бежать как можно быстрее, но вовремя опомнилась. Если в палату зайдет медсестра, все должно лежать на месте. Нельзя оставлять улики.

Она положила телефон на тумбочку и испуганно застыла, потому что мальчик в койке заворочался и захныкал. За дверью раздались шаги. Кто-то прошел мимо. Бритт дождалась, когда шум стихнет, и приоткрыла дверь.

Высунув голову, она посмотрела в обе стороны. Увидела указатель возле лестницы – ужасно далеко. Надо торопиться! Но тихо!

Она сорвалась с места и, как спринтер, рванула по коридору. Тяжелая дверь на площадке не поддавалась, но Бритт навалилась всем телом и сумела сдвинуть ее с места.

Сейчас ее увидят! Скажут ему. Уведут обратно и позовут отца. Он снова вколет ей какую-нибудь гадость. А потом побьет.

Тяжела дыша, Бритт сползла на первый этаж. Эмили не было.

В полном отчаянии она, дрожа, села на нижнюю ступеньку.

Наверное, Эмили заметили и прогнали. Может быть, даже...

Дверь скрипнула. Бритт прижала ладони ко рту, сдерживая крик. Эмили бросилась к ней и схватила на руки.

– Бритт, милая моя малышка. – Она посмотрела в лицо девочке, увидела заплывший глаз и разбитую щеку. – Ах эта ублюдочная мразь! Ну-ка одевайся.

Эмили сняла с себя толстовку и накинула ей на плечи.

– Надень капюшон. Мы сейчас пойдем, быстро и уверенно, прямо к выходу. Только не беги. Людей в больнице мало. Мы спокойно выйдем и сядем в машину. Она на парковке возле приемного покоя. Когда уедем, все будет хорошо.

– Ты пришла... Пришла...

– Конечно, пришла. Нам надо идти. Держись за меня. Опустить голову. Просто иди. Ничего не говори, не останавливайся. Готова?

Кивнув, Бритт схватила ее за руку.

Они пошли. Бритт была босиком, в пестрой больничной пижаме и оранжевой толстовке поверх нее, но в час ночи никто не глянул в их сторону.

На улице Эмили обняла Бритт за талию. Оказывается, девочка ростом почти с нее. Растет как на дрожжах. Они слишком давно не виделись.

– Надо было отдать тебе мои ботинки.

– Все хорошо, не страшно. Еще далеко?

– Немного осталось. Скоро все закончится. – Голос у Эмили дрожал, и Бритт это слышала. – Мы сейчас сядем в машину и поедем в полицию.

– Нельзя! Нам не поверят! Они увезли Зейна в тюрьму.

– Не в нашу. В Эшвилл. Мы заставим их поверить. Дэйв... мистер Картер нам поможет. Колени у Бритт подкосились, ее шатнуло.

– Отец Хлои? Он... он с нами?

– Да. Я позвоню ему, когда сядем в машину, скажу, что ты со мной. Он достанет тетрадки Зейна.

– Какие еще тетрадки?

Стараясь обходить стороной фонари, Эмили вела девочку к нужному корпусу.

– Расскажу потом.

– Ему сильно досталось? Зейну?

– Да. Но он поправится. В тюрьму его не посадят. Я с утра первым делом найму адвоката. Ты должна все рассказать полиции. Девочка моя, тебя больше никто не тронет. Клянусь.

– Мне так страшно.

– Мне тоже. Вот и машина!

Руки у Эмили тряслись, когда она открывала дверь и усаживала Бритт в кресло. Однако голова была холодной, и мыслила она как никогда ясно.

Грэм Бигелу больше и пальцем не тронет ее племянницу. Ни за что! Усаживаясь за руль, Эмили достала телефон.

– Дэйв, я забрала Бритт. Мы едем в Эшвилл, в полицию.

– Как ты?.. А, не важно. Я нашел тетради. Встретимся на месте.

«Хорошо, что нет пробок», – подумала Эмили, гоня на пределе разрешенной скорости. Скорее всего, их еще не хватились. Они справятся, обязательно.

Главное, чтобы ее не посадили за похищение ребенка.

Она потянулась к Бритт и взяла за руку, стиснув пальцы, чтобы успокоить не только девочку, но и себя.

– Не буду ни о чем спрашивать, лучше расскажешь обо всем в участке, чтобы не было подозрений, будто мы сговорились.

Под оранжевым капюшоном лицо Бритт, усеянное синяками, казалось острее и бледнее обычного.

– А если нам не поверят?

– Заставим.

Их выслушают любой ценой!

Эмили подъехала к участку и остановилась. Отметила, что других машин нет. Неясно, хорошо это или плохо.

– Ладно, Бритт. Расскажем, как есть. Чистую правду. Не волнуйся.

– Нас постоянно заставляли врать. Мы и тебе ввали.

– Все наладится.

Снова взяв Бритт за руку, Эмили зашагала к полицейскому участку. Не успели они подойти, как из дверей вышел мужчина. Бритт вцепилась ей в пальцы.

Он выглядел усталым; пиджак был измят, словно в нем спали. На лице за день отросла щетина, отчего мужчина казался грубым и суровым. Он остановился, глядя на приближающуюся парочку: женщину в красных кроссовках и в выцветших джинсах с растрепанными темными волосами и девочку с разбитым лицом и босыми ногами.

Эмили не видела выражения его глаз, но поняла, что он их оценивает.

– Нужна помощь?

Бритт заговорила первой:

– Вы полицейский?

– Он самый. Что-то случилось?

– Да. – «Глаза у него карие, – мысленно отметила Эмили. – Очень темные». – Значок показать можете?

Мужчина вскинул бровь, но полез во внутренний карман и достал удостоверение.

– Детектив Ли Келлер. Почему бы вам не зайти и не рассказать, что случилось? – Он бросил на Бритт такой взгляд, что у Эмили в надежде затрепетало сердце. – Кажется, тебе не помешает газировка. Давай купим?

Глава 5

Детектив Ли Келлер предположил, что измученная женщина – мать девочки, но решил пока не говорить ничего вслух. Лучше обойтись без лишних домыслов.

Очевидно одно – они обе перепуганы до смерти. Скорее всего, кто-то избил девочку и отправил ее в больницу. Отсюда синяки и пижама.

Он завел их в участок, отмахнулся от вопросов дежурного за стойкой и проводил дальше по коридору, остановившись возле автомата с газировкой.

– Ты какую любишь?

– Я... Можно, пожалуйста, спрайт?

– Конечно. – Он посмотрел на Эмили. – А вам кофе, только он тут дрянной, или газировку?

– Лучше колу. У меня есть мелочь.

– Не волнуйтесь, я угощаю.

Он зачихнул долларовую банкноту в приемник, взял спрайт и две колы.

Потом провел их по запутанным коридорам, и они оказались в помещении с табличкой «Отдел уголовных расследований».

Келлер подвинул два стула и сел сам.

– Присаживайтесь. Давайте для начала представитесь?

– Я не хочу говорить фамилию. Пожалуйста!

Эмили придвинулась и обняла Бритт за плечи.

– Милая...

– Все хорошо, – сказал Ли. – Давай сперва ты расскажешь, кто тебя избил?

– Мой отец.

– Он прежде бил тебя?

– Да.

– Ох... – Женщина ошеломленно прижалась губами к макушке девочки. – Милая моя...

– Раньше он просто толкал или дергал за волосы. Я не рассказывала... брату. Иначе он сорвался бы, и стало бы хуже.

– Где сейчас твой брат?

Бритт покачала головой, и Эмили взяла ее за подбородок.

– Детектив Келлер не сумеет помочь, если ты не станешь рассказывать. Помнишь, как мы договаривались? Всю правду.

– Ты убежала из больницы босиком, – словно невзначай заметил Ли. – Без одежды. Наверное, сильно испугалась?

– Я позвонила в Службу спасения, а он отобрал телефон и ударил меня по лицу. Перед этим тоже, когда меня стошнило. Я очень испугалась, потому что он весь вечер ужасно злился. Я слышала, как он говорит про Зе... Про моего брата. Тот ходил на школьные танцы. Не знаю, что так взбесило отца, но он был в ярости. Мать легла спать, а он остался внизу. Я поняла, папа хочет избить моего брата, когда тот вернется.

– И часто он так делает?

– Он постоянно бьет и маму, и брата.

– Я не мать, я тетя, – пояснила Эмили, увидев прищуренный взгляд Ли. – Я ничего не знала до сегодняшнего дня. Понимаю, сама виновата, но... – Она покачала головой. – Расскажи ему.

– Все началось, когда брат вернулся домой. Отец сказал, что тот опоздал. На четыре минуты, представляете? – Бритт заговорила с неожиданной злостью. – На четыре минуты, а он выставил так, будто Зейн совершил преступление. Сказал, что Зейн наказан, ему запрещается

играть в бейсбол и он не поедет на соревнования. У них скоро чемпионат. Еще добавил, что Зейн пьяный и под кайфом. Но это неправда! И про девушку Зейна тоже говорил гадости, хотя она очень милая. Папа обозвал ее, потом толкнул брата и ударил в живот.

Бритт стиснула банку с газировкой.

– Он всегда бьет туда, где не остается следов. Я, сама не знаю почему, побежала за матерью. Я знала, что та не станет вмешиваться, но все равно пошла за ней. Меня вырвало, она разозлилась, позвала папу, тот тоже разозлился. Поднялся и ударил меня.

Эмили сидела молча, только изредка вздрагивала от слез.

– Тогда Зейн побежал наверх и схватил папу. Он просто хотел остановить его, чтобы тот не бил меня. Это же можно считать самозащитой, правда? За такое не сажают в тюрьму. Они стали драться, громко кричать, мать толкала Зейна и царапала ему лицо, но тот не успокаивался. Тогда отец ударил маму, а я побежала за телефоном и позвонила в Службу спасения. Потом услышала, как Зейн кричит и что-то падает с жутким грохотом. Кажется, брат свалился с лестницы. Отец вошел, снова ударил меня и велел маме принести саквояж. Он врач. Приказал держать меня, потому что я вырывалась, достал шприц и вколол какое-то лекарство. Это правда. Так и было.

Бритт откинулась на спинку стула, на мгновение закрыла глаза, потом снова открыла их, уставившись на детектива. Съежилась и скрестила на груди руки.

– Ладно. – Ли кивнул. – Полиция приехала?

– Наверное, но он вколол мне что-то, и я очнулась уже в больнице. Он сидел рядом, ждал. Сообщил, что именно я должна говорить на допросе. Что это Зейн избил всех нас: и меня, и его с мамой. Если я скажу хоть одно лишнее слово, будет хуже. Мне не поверят, а Зейна увезут в тюрьму. Я должна забыть про брата. Он забрал у меня телефон, вышел и велел медсестрам никого не пускать в палату, а сам отправился отдыхать. Маму, кажется, тоже отвезли в больницу.

Ли записал все подробности, включая имя брата – Зейн – и профессию отца – врач. Брат – спортсмен, занимается бейсболом, должен участвовать в чемпионате. Учится в старшей школе.

– Расскажи про мать.

– Он всегда бил ее туда, где незаметно. Она иногда сопротивлялась, но...

Девочка покраснела и умоляюще посмотрела на Эмили.

– Все хорошо. Скажи как есть, ничего страшного.

– Мне кажется... Мне кажется, им это нравилось. По крайней мере, ей. Они потом занимались сексом, и он делал вид, будто ничего не происходит. Покупал ей дорогие подарки, а она ходила как ни в чем не бывало.

Бритт повернулась к Эмили и уткнулась носом ей в плечо.

– Я не могла тебе рассказать. Я очень боялась. Но еще больше боялась того, что будет дальше, если стану молчать. Зейн скоро уедет в колледж, и я осталась бы одна... Папа правда столкнул его с лестницы?

Эмили кивнула.

– С ним все будет хорошо. Мальчику еще нет шестнадцати, – добавила она для Ли. – У него сотрясение мозга, сложный перелом руки и растяжение связок. Врач хотел оставить его на ночь, но их отец работает в хирургии, и полицейские поверили ему на слово, тем более он дружит с местными шишками. Мальчика отвезли в Банкомб. Ему всего пятнадцать. Он весь в гипсе. Никогда не был замечен в хулиганстве. Спросите кого угодно, вам подтвердят. Хоть тренер, хоть соседи и учителя.

– Почему врач его выписал?

– Потому что человек, отправивший ребенка в больницу, сказал, что в таком случае выпишет его сам. Поговорите с хирургом. Ее зовут доктор Маршалл, она работает в больнице Милосердия.

Ли сделал еще одну пометку.

– Прежде твоего брата госпитализировали с побоями?

– Нет, в больницу его не возили. Запирали в комнате. На Рождество, например. Помнишь, Эмили? Не на прошлое. Позапрошрое.

– О господи... – Эмили закрыла глаза. – Значит, он не болел гриппом и не падал с лыж.

– Мы вернулись из школы. Как раз был последний день занятий. Отец приехал раньше обычного, и когда мы вошли, то услышали, как мать плачет, а папа на нее орет. Зейн не хотел меня пускать, но я забежала в гостиную и увидела, что она лежит на полу, вся в крови. Он ее бил. Я закричала. А Зейн...

Девочка сделала из банки большой глоток.

– Раньше он тащил меня наверх, в комнату, и сидел рядом. Или, если все начиналось, когда мы были дома, я шла к нему, и он меня успокаивал. Однако в этот раз он не сдержался, сказал не трогать маму, и тогда отец...

Бритт прерывисто всхлипнула.

– Я закричала, чтобы он остановился. Отец повернулся ко мне, глянул и хотел ударить. Зейн оттолкнул меня и пытался дать отпор. Но в ответ его избили... Отец пинал ногами, а мать просто стояла рядом и смотрела! Потом папа закинул Зейна на плечо, отнес наверх и запер в комнате. Я хотела сделать что-нибудь, только боялась.

– Ты ни в чем не виновата. – Эмили, бледнее обычного, поднесла ее сжатый кулак ко рту и поцеловала. – Вы оба не виноваты.

– Он сломал Зейну нос, и у него жутко заплыли и почернели глаза, а губа была вся в крови и распухла. Я вечером тайком принесла ему сэндвич с арахисовым маслом, но он даже не смог есть. На следующий день, в канун Рождества, отец опять к нему поднялся. Зейн снова кричал – очень громко, будто его мучили. Он сказал – отец, в смысле, – что у Зейна грипп. Он заразный, и к нему нельзя подходить, иначе подхватишь вирус. Бабушку с дедушкой не пустили к нам, хотя они специально приехали на праздники. Потом, в горах на отдыхе, мы сделали вид, что Зейн упал с велосипеда и сильно расшибся, поэтому должен отлежаться в номере, пока мы катаемся на лыжах. Когда вернулись домой, то сказали, что он упал с лыж.

Бритт взяла у Эмили салфетку.

– Вы можете позвонить в отель, если не верите. Позвоните им. Мы каждый год ездим в одно и то же место. Там подтвердят, что Зейн уже был весь в синяках. Потом спросите наших соседей или учителей, и они скажут, что он якобы упал с лыж.

– Что за отель?

– «Кантри резорт и спа». Мы ездим туда каждый год в декабре, с двадцать шестого по тридцатое.

– Я ходила навестить Зейна в канун Рождества, – добавила Эмили. – Моя сестра позвонила и сказала, что он заболел, поэтому праздничный ужин пройдет у меня, чтобы не распространять заразу. Я решила отнести мальчику куриного супа и заодно книжку, которую ему запрещали читать. Ничего крамольного, кстати. Всего-навсего «Темную Башню».

Горло перехватило, поэтому она глотнула колы и выдохнула беспомощную ярость.

– Меня к нему не пустили. На Рождество мальчика оставили одного, потому что все ушли ко мне. Недавно меня вообще перестали пускать к детям. Вечно находят разные отговорки.

– Нам сказали, ты не хочешь приходить, потому что занята своими делами. Мы, если честно, не поверили. Папа добавил, что ты ленивая шлюха.

Эмили выдавила улыбку.

– Если бы... – Она поцеловала Бритт в щеку. – У нас есть доказательства. Один наш знакомый – он отец мальчика, с которым дружит Зейн, – работает на «Скорой», и когда он услышал, что Зейн ранен, то примчался и сопровождал его в больницу. Зейн дал ему ключи от дома и попросил пойти к ним, найти тетради, где он все записывал. Детектив Келлер, мальчика

забрали в тюрьму. Прямо на инвалидной коляске. Если вы стали полицейским, чтобы помогать людям, помогите и нам.

– Как зовут вашего знакомого, который пошел за тетрадями? Надо сказать о нем дежурному, – уточнил Ли, поскольку обе замешкались.

– Дэйв Картер.

– Одну минуту.

Надо предупредить дежурного. Потом позвонить в Службу опеки и в Банкомб, но сначала узнать полное имя брата. А первым делом – закончить допрос.

Девочка не врет.

Вернувшись, Келлер увидел, что та прижимается к плечу тети. Она выглядела очень маленькой и измученной.

– Как ты выбралась из больницы?

– Залезла в соседнюю палату, нашла телефон и позвонила Эмили. Она уже приехала, но ей не говорили, где я, потому что отец запретил. Я спустилась по лестнице, она встретила меня внизу. Эмили поверила мне и Зейну. Сказала, мы должны ехать в полицию. Мой отец и ее избьет, если узнает...

– За меня не волнуйся, – отмахнулась Эмили.

– Чтобы помочь вам, мне нужны полные имена.

Келлер за две минуты и сам найдет таинственного Зейна, достаточно позвонить в Банкомб. Однако будет лучше, если фамилию назовет девочка. Эта малютка с уставшими глазами должна ему открыться.

– Вы мне верите? Даже если отец заявит, что я вру?

– Если бы не верил, то сам бы выяснил вашу фамилию. Я же детектив. Запросто могу ее узнать. – Ли улыбнулся. – Однако я хочу, чтобы ты сама сказала и тоже мне поверила.

Бритт посмотрела на Эмили и кивнула.

– Ладно. Меня зовут Бритт Бигелу. А моего брата – Зейн. Родители – Грэм и Элайза Бигелу. Мы живем в Лейквью. Боюсь, что теперь, когда я перестала молчать, он убьет меня при первой же возможности.

– Он не тронет ни тебя, ни Зейна. Разве я не обещала? Детектив, в тюрьму отправили не того Бигелу. Я Эмили Уокер, кстати.

– Детектив, к вам пришли.

Полицейский в униформе завел в кабинет Дэйва.

– Привет, Бритт. Дай-ка я на тебя гляну. – Дэйв с большой сумкой через плечо присел перед ней на корточки. – Очень больно?

– В голове стучит, мистер Картер, и щеку тянет. И глаза режет.

– Ох, Бритт, почему ты не сказала? Господи, я и сама не спрашивала... Надо срочно найти какие-нибудь таблетки.

– Не стоит, – сказал Дэйв, когда Эмили принялась рыться в сумочке. – Мы не знаем, что ей давали в больнице. Я по дороге заскочил в магазин. – Он открыл сумку и вытащил пакет с замороженным горошком. – Вот, быстро поможет. Приложи к щеке, хорошо? Сколько пальцев показываю?

Он выставил два пальца.

– Два. Все нормально, мистер Картер. Мне намного лучше.

– Вот и славно. – Дэйв встал и протянул Келлеру руку. – Дэйв Картер.

– Детектив Келлер.

– Итак, детектив Келлер, Зейн дал мне ключи и разрешил зайти в дом. Вряд ли это можно считать незаконным проникновением. Но если придется, я готов отвечать перед законом.

Он вытащил из сумки несколько тетрадей.

– Я прочитал только самую первую запись из тетради с цифрой «один», и мне хватило. Если после этого вы не вытащите Зейна из тюрьмы и не посадите вместо него Грэма Бигелоу, то вы не человек, а бездушная скотина.

Ли открыл первую тетрадь и прочитал верхнюю запись, датированную двадцать третьим декабря. Потом наугад выбрал другую страницу. Открыл вторую тетрадь.

– Бритт, к вам летом приезжали бабушка с дедушкой?

– Да, в августе, мы как раз вернулись из отпуска. Они всегда останавливаются у Эмили. Раньше это был их дом, но они отдали его Эмили и маме. Матери он не нравится. Тетя выкупила ее долю. В последний день мы устроили для них ужин на яхте. Было весело. А потом...

Она снова прижалась к Эмили и отхлебнула газировку из банки.

– Потом, когда все ушли, отец разозлился. Ударил Зейна в живот. Он любит туда бить – не остается следов. Сказал, что Зейн его опозорил: из него никудышный моряк, и он весь вечер болтал с дедушкой о бейсболе и жрал в три горла, словно жадная свинья. Я плохо помню, что было дальше.

– Этого достаточно.

Ли закрыл блокнот.

– Ты готова повторить все это перед судьей, дав присягу?

– А вы в таком случае вытащите Зейна из тюрьмы?

– Постараюсь. Мистер Картер, помните, как Зейн в позапрошлом году разбился на лыжах?

– Ага. На самое Рождество. Пропахал носом снег – так мне сказали... О господи, твою мать. – Дэйв прижал пальцы к глазам. – Он не показывался несколько дней, хотя обычно эти двое с моим сыном не разлей вода. У парня был сломан нос, но синяки уже сходили. Я не стал ни о чем спрашивать. Кстати, вскоре он попросил меня помочь с тренировками. Хотел накачать мышцы. Начал заниматься с гантелями. Сказал, так нужно для бейсбола, я ничего лишнего не подумал.

– Я же говорила.

– Да, – кивнул девочке Ли. – Так и есть. Мистер Картер подтвердил ваши с тетей показания. Сейчас я разбужу администратора из «Кантри резорт и спа» и задам ему пару вопросов.

– Мы VIP-клиенты. Они работают круглосуточно. Но я не знаю номера.

– Найду. Надо поговорить с начальником полиции из Лейквью.

Бритт покачала головой, вжавшись в Эмили.

– Он папин друг. Он...

– Ничего страшного, Бритт, в первую очередь он сотрудник правоохранительных органов, я с ним работал. При наличии доказательств он не станет закрывать глаза. Ты должна доверять мне. Нам предстоит еще одно дело, самое трудное. Придется вызвать службу опеки.

– Нельзя, чтобы ее забрали! – Эмили обняла Бритт обеими руками. – Я ее родная тетя.

– Я сделаю все, что в моих силах. Но если не сообщу им, будет только хуже. Вы забрали несовершеннолетнего ребенка из больницы, поскольку опасались за ее жизнь и здоровье. Верно?

– Да.

– Хорошо. Позвольте мне делать все, что положено. Заверяю, в первую очередь я буду действовать в интересах Бритт.

– А как же Зейн?

– И в его интересах тоже. Сейчас отведу вас в комнату, где можно будет отдохнуть. Даже поспать немного. Мистер Картер, подождете здесь? У меня осталась пара вопросов.

– Конечно.

– Еще одно. Бабушка с дедушкой – они не местные?

– Уже нет, – ответила Эмили. – Переехали десять лет назад в Саванну. Если мне не позволят забрать детей, они приедут. Сразу, обязательно.

– Отлично. Давайте отведу вас.

Устроив их в пустом кабинете, Ли взял два стаканчика кофе и вернулся к Дэйву.

– Раз вы работаете на «Скорой», то к такой буре, наверное, привыкли.

– Спасибо. Господи... Бритт с моей дочкой дружат едва ли не с пеленок. То, что он с ней сделал... То, что он сделал с Зейном...

– Это вы приняли вызов?

– Нет, была не моя смена, но я приехал сразу, как только узнал. Эти дети мне словно родные. – Дэйв с силой потер нывший от напряжения затылок. – Хотел посмотреть, можно ли что-то сделать. Они как раз выносили Зейна. Приковали его к каталке, заявив, что он обвиняется по трем статьям.

Не моргнув и глазом, он ополовинил стаканчик с дрянным кофе.

– В жизни не слышал подобного бреда. Я возил Зейна и моего сына с подружками на танцы. И вот, через десять минут после возвращения он решил избить родную мать? Он бы в жизни не тронул ни ее, ни Бритт. В машине Зейн был счастлив, детектив. Мальчишки отлично провели время.

– Пили?

– Исключено. Зейн всерьез занимается спортом. Помешан на бейсболе и делает, к слову, большие успехи. За пьянство у них сажают на скамейку запасных, он бы не стал рисковать ради банки пива, тем более накануне чемпионата. Господи, вы же сами читали дневник.

– Мне нужны подробности, мистер Картер.

Дэйв поднял стаканчик, допивая кофе.

– Простите. Я сейчас на нервах. Зейн был трезв как стеклышко и в прекрасном расположении духа. Он и Мика, это мой сын, в первый раз пригласили девочек на свидание. В анализах тоже ничего не нашли. Эльза их вскрывала при мне – доктор Маршалл, в смысле, это хирург-ортопед, которая лечила мальчика. Зейну нужна операция, его нельзя было забирать из больницы, тем более в тюрьму. Эльза не хотела его отпускать, за ним стоило наблюдать хотя бы до утра. Но Грэм – заведующий отделением. Ей не оставили выбора.

– Вы сопровождали мальчика?

– Да, поехал с ним на «Скорой», – кивнул Дэйв. – В больнице тоже. Родителей рядом не было. Только Эмили примчалась, когда я ей позвонил. Эти двое даже не подошли.

– Скажите, что именно говорил Зейн?

Подкрепившись кофе, Дэйв пересказал все, что вспомнил, добавив кое-каких деталей.

– Хорошо. Возможно, придется вызвать вас еще раз, но пока можете ехать.

– Лучше подожду Эмили и Бритт. Только жену предупрежу.

Ли склонил голову набок.

– Жену? То есть вы с мисс Уокер... не вместе?

– Что? – Дэйв, впервые за время разговора прояснившись в лице, хохотнул: – Нет. Я семнадцать лет как женат. Или восемнадцать? Не помню точно... У меня двое детей. На Уокеров я работал в юности, еще в школе, наверное. Хорошо знаю и Эмили, и Элайзу. Мы с Эмили – и моя жена, разумеется – давно дружим.

– А с Элайзой Бигелоу, получается, нет?

Веселье в глазах Дэйва угасло.

– Нынче мы им не чета. Она допустила, чтобы такое случилось с детьми. Может, Элайза и жертва, но ребята пострадали по ее вине.

Дэйв встал.

– Подожду вместе с девочками.

Ли подсказал, куда идти, потом молча откинулся на спинку стула. Выходя из участка, он надеялся попасть домой после шестнадцатичасовой смены и выпить перед сном пива... Теперь, видимо, впереди маячил только кофе и еще один ужасно долгий день.

Он включил компьютер, проверил данные по Зейну Бигелу, его родителям, тете и Дэйву Картеру. Нашел телефон отеля и принялся за работу.

* * *

Зейн, вспоминая худшую ночь в его жизни, потом отмечал мелкие детали. Запах фургона – стальной, пропитанный страхом и отчаянием. Шорох колес, полный страдания. Невозможное одиночество.

Что бы доктор Маршалл ни дала от боли, та не ушла совсем, затаившись под кожей. Зейн знал, что скоро она вернется, но пребывал в таком оцепенении – и телом, и душой, и разумом, – что не переживал.

Глаза у охранника были похожи на мраморные шарики – такие же твердые и холодные. Водитель всю дорогу молчал. Зейн был единственным заключенным. Потом он узнал, что отец использовал все свое влияние, чтобы обеспечить его транспортировку в столь поздний час.

– Похоже, тебя здорово отделали, а? Вот что бывает, когда кидаешься на мать и сестренку.

Зейн не отвечал. Какой смысл? Он не поднимал голову.

Позднее, помимо прочего, ему стало известно, что неприязнь охранника с мраморными глазами была вызвана тем, что доктор Грэм Бигелу оперировал его сына после автомобильной аварии.

Страшно не было. Страх, как и тревога, не мог пробиться сквозь оцепенение, охватившее Зейна.

Однако испуг взял свое, когда жалобный писк шин сменился тихим шуршанием, и за фургоном лязгнули железные ворота. В животе расцвела паника, прорастая щупальцами в грудь. Сверху будто посыпались камни, острые и тяжелые. От слез защипало глаза, но некий инстинкт, скорее всего первобытный, предупредил, что если хоть одна скатится по щеке, его ждет настоящий ад.

– Добро пожаловать домой, придунок.

Охраннику пришлось помогать Зейну вылезти из фургона. Если он и испытывал жалость к трясущемуся мальчику с перевязанной рукой и бандажом на лодыжке, то ничем ее не выдал.

Зейна провели через стальную дверь и металлоискатель. Ему пришлось долго стоять, прислонившись к стене, щуря глаза от яркого света и с трудом балансируя на здоровой ноге. Он назвал свое имя, дату рождения, адрес.

Юношу отвели в другое помещение, забрали одежду. Раздеться сам из-за шины на руке он не мог, поэтому пришлось вытерпеть новую порцию унижения, когда его раздели догола и обыскали.

Зейну выдали новую одежду: оранжевую рубашку, оранжевые штаны, оранжевые ботинки. Точнее, всего один. Одевали его тоже чужие люди.

Потом Зейна поместили в камеру – точнее, капсулу, как ее называли. Зейн представлял ее совсем иначе. Решеток не было, только кровать, унитаз и раковина. Окон тоже не было.

– Встанешь, когда скажут. Застелешь кровать, дождешься, когда тебя отведут на завтрак. Съешь, что дадут. Пройдешь обследование в лазарете, потом отправишься к мозгоправу и расскажешь все, что у тебя на уме. Будешь делать, что велено. Только моргни в сторону – пожалеешь.

Охранник с мраморными глазами шагнул к двери.

– Твой отец – великий человек. А ты – пустое место.

Он вышел. Дверь захлопнулась, лязг эхом отозвался в ушах.

Свет погас.

Зейн неуклюже шагнул вперед, пытаясь нащупать стену, и ударился голенью о край койки. Залез на нее. Его трясло не на шутку, дыхание вырывалось из груди хриплым скулежом.

Хотелось свернуться калачиком и обнять себя, но не получалось. Зейн мечтал уснуть, однако боль не позволяла.

Теперь он мог дать волю слезам. Его никто не видел, всем было на него плевать. От рыданий трясло, ныло в груди, в животе и горле. Наконец истерика прекратилась, а с ней прошла и паника.

Зейн лег на спину, чувствуя, как дрожит все тело и умирает душа.

Несколько часов назад – совсем недавно – он целовался с девушкой, любовался на звезды и танцевал под цветными прожекторами.

А теперь его жизнь кончена.

Темнота и одиночество – вот все, что ему осталось. Он цеплялся за них, потому что боялся того, что ждет за дверью.

Глава 6

Ли коротко, на пару часов вздремнул, потом напился черного кофе и доложил о расследовании своему начальнику, окружному прокурору, службе по делам несовершеннолетних и судье, подписавшему ордер на арест Зейна Бигелу.

Нынче он сидел в кабинете Тома Боста – человека, которого давно знал и уважал от всей души.

– Это не ваше дело: оно не в юрисдикции Эшвилла и не криминал вдобавок. Это наша работа.

– Раньше была вашей, – пока еще мягко согласился Ли. – Теперь нет. Том, вы пропустили парня через систему. Поперли напролом, решив обойти правила, хотя мальчик сильно пострадал. Вас попросили об одолжении, и вы, подержав за ниточки, отправили его за решетку.

На щеках у Боста заиграли пятна.

– Мальчишка избил мать, сестру и отца, да так, что они оказались в больнице! Я исполнил свой долг, и не смейте приезжать в мой город и упрекать меня в халатности.

– Я не стану молчать.

– Ли, вам это дорого обойдется. Грэм и Элайза с ума сходят из-за пропажи Бритт. Не знаю, что за хрень нашла на Эмили Уокер, я думал, у этой дамочки больше мозгов, но ей предъявят обвинение в похищении ребенка. Когда Грэм закончит с ней, свой значок потеряете и вы.

Ли положил на стол Тома копию первой тетради Зейна.

– Почитайте. Зейн все записывал. Дату видите сами. Читайте.

– Пока вы держите у себя девочку, становится только хуже.

Бост все-таки взял распечатки.

– Это чушь, Келлер. Мальчик – псих.

– Скорее, его родители. Я звонил в отель, куда они ездили двадцать шестого декабря позапрошлого года. Разговаривал с управляющим, с горничной, с менеджером. Знаете, что они сказали, Том? Все, как один. Они сказали, что Зейн упал с велосипеда, сломал нос и сильно расшибся. Приехал в синяках. Все праздники просидел в номере – Грэм Бигелу велел его не тревожить. А что сказали вам, Том?

– Бред какой-то. Зейн упал с лыж.

– Эмили и бабушке с дедушкой заявили, что Зейн на Рождество был болен. Мол, подхватил грипп. Не пустили даже проведать. Бигелу сказал, мальчик слишком заразный. Их показания тоже зафиксированы.

Кривясь от отвращения, Ли вытащил бумаги из папки и кинул Босту на стол.

– И показания Бритт заодно. – Он бросил еще несколько листов. – Все, что описал мальчик, – чистая правда. Вы даже не пытались провести расследование.

– Не указывайте, как мне работать, – огрызнулся Бост. – Я хорошо знаю и Грэма, и Элайзу.

– Неужели?

Вздернув подбородок, Бост ткнул в Ли пальцем.

– Хотите сказать, Грэм избивал жену с детьми, а они врали, чтобы его выгородить? До вчерашнего вечера из этого дома ни разу не поступал вызов в Службу спасения.

– Именно это я и хочу сказать. Зейн стал вести дневник в тот самый день, на Рождество. У вас перед глазами первая тетрадь. Он все записывал. Тычки, пощечины, оскорбления, угрозы. Мать была с мужем заодно. Тринадцатилетняя девочка рассказывала мне, Бост, как отец, избив ее мать, занимался с ней сексом, а потом покупал дорогие подарки. Я заставил ребенка смотреть мне в глаза и рассказывать, что ее матери такое нравится.

– Бритт в шоке. Она...

– Конечно, черт возьми, она в шоке! – Ли вскипел. – Господи, да откройте же глаза. Ребенок вызывает полицию, а когда вы приезжаете, всё обставляют так, чтобы вы не смогли с ней поговорить. Зейн под лестницей, весь избитый, переломанный, с сотрясением и порванными связками. Но вы не видите в этом ничего странного.

– Двое взрослых рассказали одну и ту же версию событий. Люди, которых я хорошо знаю.

– Допустим. Почему вы не взяли показания у мальчика? Не спросили у отца, почему он настаивает на аресте? Наоборот, подыграли ему? Почему ребенка не оставили на ночь в больнице? Не вызвали ни службу по делам несовершеннолетних, ни адвоката – никого! Просто отправили мальчика за решетку. Отец заявил, что парень под кайфом – однако, судя по анализам, он был чист. Вы что, даже не взглянули на результаты токсикологии?!

Ли выдернул еще один лист из папки и швырнул на стол.

– Как стеклышко! – Он схватил одну из бумаг и потряс ею. – Вот что произошло в тот вечер, по словам Бритт. Читайте. Наслаждайтесь.

– Господи, я знаю Грэма двадцать лет, а Элайзу – и того больше. Я обедал в их доме. Часто бывал у них, и клянусь, не видел ни единого признака!

– Читайте.

Закончив изучать бумаги, Бост встал и отвернулся к окну.

– Я ведь поверил ему... Вас там не было, вы их не видели. Если бы вы сутки назад попросили назвать идеальную семью, я бы указал на Бигелоу.

Он провел рукой по волосам.

– Да и остальные тоже. Господи, Ли, они повторяли одну и ту же историю, слово в слово. Хотя теперь, если подумать, я вижу мелкие несостыковки. Грэм все время твердил, что гордится Зейном, но тот, мол, в последние дни совсем отбился от рук. Учится из-под палки, потому что сдуру решил стать профессиональным бейсболистом. Отказывается помогать по дому, постоянно огрызается на мать. Это мелочи, Ли, просто у вас нет своих детей. От них вечно ждешь подвоха, особенно от подростков.

Он повернулся обратно.

– Элайза – президент родительского комитета. Она здесь почти королева.

– У меня еще много занимательного чтива. Оставлю вам копии. – Ли встал. – Я еду в Лейквью-Террас арестовывать Грэма Бигелоу по обвинению в жестоком обращении с детьми и женой, в нападении и угрозе физической расправой. Элайза Бигелоу пойдет как соучастница. Просто предупреждаю.

– Я ему верил. – В голосе Тома зазвучали умоляющие нотки. – Я верил, что Зейн представляет опасность и для них, и для себя.

– Вы ошиблись. Зейна сейчас отпустят, все обвинения снимут. Временную опеку над детьми передадут Эмили Уокер. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы ей их отдали насовсем. Читайте, – добавил Ли и вышел.

* * *

Десять минут спустя со своим напарником и четверьмя полицейскими в униформе Келлер позвонил в дом на Лейквью-Террас.

Он представился мужчине, который открыл дверь, и предъявил ордер.

– Полиция Эшвилла.

– Я адвокат Бигелоу. Прямо сейчас я звоню вашему начальнику и мэру Эшвилла. Вы удерживаете несовершеннолетнюю без ведома ее родителей.

– С ордером ознакомьтесь.

Ли протиснулся мимо адвоката в большое фойе с высокими потолками и прошел прямоком в гостиную, где Грэм Бигелоу вскочил на ноги.

– Грэм Бигелоу, вы арестованы по обвинению в жестоком обращении с детьми и женой, в нападении и угрозе физической расправой.

За время этой фразы Ли успел развернуть Грэма спиной к себе, чтобы нацепить наручники.

Тот извернулся и ударил его.

– А еще в сопротивлении при аресте и нападении на сотрудника полиции. У вас есть право хранить молчание.

– Грэм, лучше сотрудничайте, – велел адвокат, пока Ли зачитывал права. – Ничего не говорите, я вас вытащу.

Грэм, не слушая, продолжал отбиваться, пока двое полицейских его не скрутили.

– Не смейте! – Элайза с разбитым до крови лицом прижала к груди обе руки. – Что за безумие! Это все Зейн...

– Ваша песенка спета, миссис Бигелоу. Вы тоже арестованы по обвинению в жестоком обращении с детьми, угрозе физической расправой, соучастие в нападении и дачу ложных показаний.

Келлер принялся зачитывать права и ей, но она его оттолкнула.

– Не смейте меня трогать! Грэм!

– Элайза, успокойтесь и ничего не говорите. Ей не обязательно надевать наручники, – вмешался адвокат.

– Не согласен, – возразил Ли и защелкнул браслеты.

С несказанным удовольствием он вывел ее из дома на глазах у всех соседей, собравшихся на шум, и надавив на макушку, силой усадил в машину.

Грэма по распоряжению детектива повезут в другом автомобиле. Они больше не смогут сообща придумать убедительные отговорки.

Эти двое больше не смогут превращать жизнь своих детей в ад.

– Вы останетесь без значка, – предупредил адвокат. – Это дело похоронит и вас, и весь ваш участок.

– Угу, попробуйте.

– Не вздумайте разговаривать с моими клиентами. Им нечего сказать.

– Вот и славно. Посидят пока за решеткой, а вы решайте свои дела. Мне и без того есть чем заняться.

* * *

Зейну не пришлось заправлять постель, когда объявили подъем. Он всю ночь без сна пролежал поверх одеяла.

Потом кое-как впихнул в себя завтрак, ни о чем не думая и не поднимая глаз на других заключенных. Кто-то разговаривал, кто-то нес всякую чушь, кто-то жадно глотал еду, кто-то вяло ковырялся в тарелке.

В большом помещении – видимо, столовой – гуляло эхо: глухо стучали пластиковые вилки с ложками, скрипели стулья, гудели голоса.

У Зейна с тарелки стащили печенье. Он не отреагировал, ему было без разницы, и в отместку его пнули под столом по щиколотке и визгливо захихикали.

После завтрака все вышли в те же двери. Зейна отвели в лазарет.

Тюремный врач посмотрел в карту, которую успели передать из отделения неотложки. Он нахмурился и стал задавать Зейну вопросы.

Туман в глазах?

Нет.

Головная боль?

Да.

Врач нахмурился еще сильнее, когда снял с Зейна рубашку и увидел на животе и ребрах синяки.

Опять посыпались вопросы.

Врач снял бандаж, повертел лодыжку. Велел поднять ногу и приложить лед, пока он проверяет на руке шину.

Опять вопросы.

Зейну осторожно пощупали лицо.

– У тебя был сломан нос?

– Да.

– Как?

– Отец ударил.

Доктор пристально и долго смотрел ему в глаза.

– Отец тебя бьет?

– Да.

– Ты сообщал об этом властям?

– Он слишком уважаемый человек.

Рядом как будто вздохнули.

Медбрату пришлось обтирать Зейна губкой, потому что он не мог принять душ.

– Тебя должны были оставить в больнице и вколоть обезболивающее. Я дам рекомендации вернуть тебя под наблюдение доктора Маршалл.

– Не получится. Мой отец – заведующий хирургией. Он хочет, чтобы я находился здесь.

Зейну дали костыль – только один из-за шины, но с ним все равно было проще передвигаться. Таблетки временно уняли боль.

– Сейчас тебя отведут в камеру, отдыхай. Потом, чуть позже, придет доктор Лорет, здешний психолог. Руку и ногу держи приподнятыми.

Его вернули в тишину и одиночество. Сквозь дверь доносился шум. Разговоры, шаги, отрывистые приказы, лязганье ведер и хлопанье швабры.

Зейн ненадолго отключился: не уснул, а скорее задремал, постоянно вздрагивая.

Услышав, как щелкнул замок, он зажмурился плотнее. Пусть психолог решит, что он спит, и не трогает его. Не хотелось ни о чем говорить. Все, что он мог сказать, прозвучало еще в лазарете.

Однако кровать прогнулась под чьим-то весом. Зейн открыл глаза.

Он видел мужчину, смертельно уставшего на вид и не брившегося пару дней: темново-лосого, кареглазого, в костюме с галстуком.

– Зейн, я детектив Келлер. Полиция Эшвилла.

Коп, значит. Еще один. Зейн снова зажмурился.

– Зейн. – Его взяли за плечо: не тормоша, а бережно, легонько. – Я собираюсь тебя забрать.

– Куда?

– Домой. Зейн, ко мне приходила твоя сестра.

Он распахнул глаза.

– Бритт? Как она? Она...

– С ней все хорошо. Девочка очень умная и храбрая. Ее привезла вчера ваша тетя.

– Эмили? Бритт нашла ее?

Зейн опять зажмурился, чтобы сдержать слезы.

– Они пришли ко мне. Дэйв принес твои дневники. Я прочитал их. Все, каждую страницу. Прости, что приехал за тобой так поздно. Пришлось уладить кое-какие дела.

В темных глазах незнакомца Зейн увидел то же, что и у Дэйва.

Ему верили.

– Я... Меня выпускают под залог?

– Нет. Насовсем. Обвинения сняты. Давай потом поговорим, ладно? Когда вытащим тебя. Документы оформили, так что можно переодеваться и идти.

Зейна затрясло. Он ничего не мог с собой поделать.

– Мне можно идти? Просто идти?!

– Ну-ка вдохни поглубже, – велел Ли и взял его за руку. – Давай, дыши. Тебя вообще не должны были сюда забирать. Я принес одежду. Новую – Эмили купила. Брала на глазок, надеюсь, угадала с размерами. Она решила, ты не захочешь надевать то, что на тебе было. Мы взяли спортивные штаны, – продолжал он спокойно, беря с пола пакет. – Рубашку на пуговицах, белье и сандалии.

– Ничего не понимаю...

– Знаю. Давай руку, помогу переодеться.

На сей раз было не так стыдно, потому что полицейский, меня оранжевую робу на спортивные штаны с синей рубашкой и надевая обувь на здоровую ногу, постоянно болтал.

– Штаны коротковаты, но вроде подошли.

– Они сказали, что я... Что я...

– Не надо. Успокойся.

Мужчина обнял Зейна за плечи, помогая встать, и передал костыль. Поднял пакет, проводил мальчика до двери и дважды постучал.

Дверь распахнулась. Охранник отошел, освобождая дорогу.

Густо пахло средством для мытья и, кажется, хлоркой. Зейна опять затрясло, но полицейский ничего не сказал.

– Вы кто?

– Детектив Келлер. Ли. Меня зовут Ли.

– Грэм не позволит вам ничего сделать. Он...

– Он арестован. Они оба: и он, и твоя мать.

У Зейна подогнулись колени. Ли молча поддержал его. Он медленно, но упорно вел мальчика вперед.

– Давай, дыши. Глубоко, не спеша. Отец больше не тронет ни тебя, ни Бритт. Молодец, Зейн, что все записывал. Отличная была идея.

Их никто не остановил. Охранники открыли двери, выпустив без единого слова. Солнце резануло глаза. Зейн увидел ворота. За ними стояли Бритт и Эмили. Он рванул вперед.

– Эй. Полегче. Сейчас дойдем.

– Он избил ее! У нее лицо в синяках.

– Заживет. Бритт тебе обо всем расскажет. Она сбежала из больницы. У тебя чертовски хорошая сестра. Давай-ка еще пару шагов...

Зейна звали к себе. Эмили громко рыдала. Бритт пока держалась, но все время повторяла имя брата.

Ворота с лязгом открылись, и когда Зейн прошел через них, его тут же сжали в объятиях.

– Ох, мальчик мой, Зейн. Прости. Прости! – Эмили приподняла ему голову, поглаживая лицо пальцами. – Прости меня.

Он молча кивнул. Эмили снова обняла его и прижала к себе вместе с Бритт.

– Поехали домой, – объявила она.

– Не хочу. Пожалуйста, не надо! Я не могу туда вернуться.

– Нет, милый мой, не к вам. Ко мне, на озеро. Бабушка с дедушкой уже должны были приехать. Мы поедem домой. Теперь это ваш дом. Будете жить со мной. Давай, садись вместе с Бритт назад, а мы с Ли – впереди. Ли, я так вам обязана... С меня вкусный ужин, бутылка хорошего вина и, черт возьми, сексуальные услуги, если надо.

Тот рассмеялся и покачал головой.

– Я просто делал свою работу.

– Эти ребята – все, что у меня есть. Вы, можно сказать, мне жизнь спасли.

Зейну помогли забраться в машину, и Бритт прижалась к нему.

– Сильно болит?

В ответ он взял ее за руку.

– Не очень.

Пока брат с сестрой вводили друг друга в курс дела, Ли прислушивался к их разговору. «Стойкость, имя твое – молодость», – подумал он. Дети набили немало шишек, и им предстоит долгое лечение, но со временем оба должны прийти в себя.

Зейн даже рассмеялся, когда Бритт рассказала, как выбиралась из палаты босиком. Ли обратил внимание, что девочка – по крайней мере, пока – не упомянула про угрозы отца. Да и Зейн опустил самые жуткие подробности.

– Там было очень страшно, в том месте?

– Нет, терпимо. – Он на секунду поймал взгляд Ли в зеркале заднего вида. – Почти как сидеть у себя в комнате под замком.

– Ночью Ли отвез нас в приют. Точнее, уже под утро. Там было непривычно, но не так уж плохо. Много женщин и детей, которых тоже бьют дома. Нас хорошо приняли. Эмили сказала, что внесет от нашего имени пожертвование. В благодарность за помощь.

– Думаю, им сексуальные услуги можно не оказывать.

Расхохотавшись в голос, хотя в глазах все равно поблескивали слезы, Эмили оглянулась.

– Хватит паясничать.

– Эмили... Не вини себя, слышишь? Ты ни в чем не виновата.

Она потянулась назад и крепко сжала Зейну пальцы.

– Ты тоже.

Зейн откинулся на спинку, здоровой рукой обнимая сестру. При виде озера неприятно кольнуло, но он отогнал дурные мысли, потому что машина свернула в другую сторону от Лейквью-Террас.

Туда, где безопасно.

Мимо неслись коттеджи, деревья, лодки. На дороге возле дома Эмили стояла арендованная машина. К подъехавшему пикапу бросились бабушка с дедушкой.

Они плакали. Теперь, наверное, часто будут плакать без всякого повода.

– Я ненадолго отъеду вместе с Ли, – сказала Эмили. – Скоро вернусь. Привезу пищу. Устроим праздник.

– Детектив Келлер, можно с вами поговорить минутку? – спросил Зейн.

– Конечно.

– Так, давайте в дом, – взялась за дело бабушка. – У нас пикник. Пойдем, милая.

Она потащила за собой упирающуюся Бритт.

– Вы не сказали, за что они арестованы.

– За то, что издевались над вами с сестрой.

– Элайза нас не трогала.

«Элайза, – мысленно отметил Ли. – Не мать».

– Она расцарапала тебе лицо.

Зейн потрогал ссадины кончиками пальцев.

– Наверное. Не помню...

– И она позволяла ему вас бить, что делает ее соучастницей. Она издевалась над вами, Зейн, точно так же, как и Грэм.

Зейн хотел в это верить. Боже, как он хотел верить.

– У него много связей. Он наймет самого лучшего адвоката.

– Уж поверь мне. – Под пристальным взглядом Ли неприятные спазмы в животе улеглись. – Я знаю свое дело. Эмили едет со мной, потому что мне кажется, она сумеет убедить твою мать дать показания.

– Тогда ее не посадят в тюрьму. И...

– Если будет сотрудничать, ей дадут более мягкое наказание, но она не сможет забрать вас у Эмили и ваших родителей. Во-первых, вы с Бритт достаточно взрослые, чтобы самостоятельно решать, где жить, а во-вторых, мы докажем, что она не справляется с родительскими обязанностями. Можешь не переживать.

– Вы же вернетесь и расскажете, как обстоят дела?

– Да. Ты готов пойти в суд и дать показания?

– Да. Готов. – От этой мысли изрядно прибавилось сил. – Я хочу посмотреть ему в глаза и рассказать все, что он с нами сделал. Очень хочу.

– Вот и славно. У тебя будет такая возможность. Обещаю.

– Сэр... спасибо. За то, что вытащили меня и спасли Бритт. Я никогда этого не забуду.

– Береги себя, Зейн. А теперь иди в дом, пусть бабушка и дедушка о тебе позаботятся.

– Да, это они умеют... Я иногда представлял, как здорово было бы жить здесь, – сказал Зейн, когда Ли проводил его к крыльцу. – Особенно когда становилось совсем худо.

– Теперь это твой дом. – Ли открыл сетчатую дверь. – Сам дойдешь?

– Да. Справлюсь.

«Не сомневаюсь, – подумал Ли. – Ты – справишься».

– Скажи Эмили, нам пора ехать.

* * *

По дороге в полицейский участок Эшвилла они молчали. К тому времени Ли успел убедиться, что Эмили – женщина суровая и умеет держать себя в руках, однако перед дверью комнаты для допросов все равно замешкался.

– Вы точно готовы?

– Ли... – Эмили взяла его за плечо. – Я должна. Даже если это ничего не даст, только успокоит мне совесть, я все равно обязана с ней поговорить.

– Когда закончите, постучите в окошко.

– Хорошо.

Келлер открыл дверь и жестом попросил полицейского внутри выйти. Эмили зашла, и за ней лязгнул замок.

Элайза сидела за небольшим столом, выпрямив спину и положив скованные руки перед собой. На лице пестрели синяки, но взгляд, как заметила Эмили, горел яростью.

– Ну наконец-то.

Живот поджало. Эмили, не обращая внимания, села напротив сестры.

– Думаешь?

– Я торчу в этой дыре целую вечность. Мне не говорят, ни где Грэм, ни что происходит. Ты должна немедленно все выяснить. Мой адвокат уверяет, что скоро снимет эти нелепые обвинения и нас выпустят под залог. Но пока мне нужны кое-какие вещи. Я дам тебе список.

«Какая прелесть, – подумала Эмили. – Все, как всегда. Только я уже не та, что была прежде».

– Не утруждай себя. Ты зря думаешь, что я здесь ради тебя. Это не так. Тот факт, что ты не спрашиваешь про детей, только подтверждает, что я поступаю правильно.

– Мои дети – вовсе не беспомощные младенцы. Они сговорились против меня и Грэма. Зейн спятил, Эмили. Ты даже не представляешь, что он...

– Заткнись!

Услышав рык, Элайза ошарашенно дернулась.

– Еще одно слово в адрес Зейна – и я уйду. Ты останешься совсем одна. Я знаю, что вчера случилось. И что было на позапрошлом Рождество. Я знаю все, поэтому, Элайза, хватит ломать комедию.

Чтобы удержать себя в руках, Эмили откинулась на спинку стула.

– Мне разрешили с тобой поговорить – наедине, без прослушки, что, кстати, против правил. Я должна знать, зачем. Зачем поступать так с Бритт и Зейном? Зачем позволять Грэму так обращаться с собой и с ними? Мне надо знать.

– Хватит дурить, хоть раз сделай что-нибудь полезное! Мне нужен мой крем для лица. Верись двум озабоченным подросткам, а не родной сестре – что лишний раз доказывает, какая ты дура!

– Хватит. Я ничего не стану тебе привозить, и пальцем не пошевелю. Переживаешь за свою красоту, Элайза? Хочешь замазать синяки, чтобы не осталось следов? Лучше подумай о том, как будешь выглядеть после нескольких лет в тюрьме.

– Я не сяду в тюрьму.

Однако губы у нее затряслись.

– Сядешь. И, может, надолго. Зависит от того, что именно ты скажешь полиции.

– Наш адвокат...

– Стоп. – Для пущей убедительности Эмили подняла палец. – Вот твоя первая ошибка. Ты не дура. Подумай о том, зачем тебе один адвокат на двоих с человеком, который тебя избивает. У тебя есть шанс, воспользуйся им. Возьми себе другого защитника. Я готова назвать пару имен. Нашла толковых специалистов по уголовному праву в помощь Зейну. Ему они теперь не понадобятся, а вот тебе пригодятся. Но большего от меня не жди.

– Зейна надо изолировать от общества. Он...

– Хватит!

Эмили вскочила, и в голосе Элайзы впервые прорезалась паника.

– Не бросай меня!

– Тогда хватит нести чушь!

– Откуда мне знать, вдруг на тебе прослушка?

Эмили, встав, сняла рубашку и повернулась.

– Элайза, здесь только мы двое. Вашему адвокату платит Грэм; как думаешь, чьи интересы он будет отстаивать в первую очередь? Решай. Когда я отсюда выйду, то могу позвонить человеку, который готов защищать тебя в суде.

Застегнувшись, она села.

– Мы росли в одном доме, в одной семье. Нас учили уважать друг друга. Так почему ты позволила Грэму издеваться над собой и над детьми? Почему не пришла за помощью ко мне или кому-то другому?

– Ты не понимаешь, это наши дела. Наша жизнь. Мы любим друг друга.

– Мужчина, который распускает руки, не способен любить.

– Ох, ради бога. – Элайза демонстративно возвела глаза к небу. – Все, как всегда. Унылая святоша. – Оживившись, она подалась к сестре. – Я не такая, как ты. Мы с Грэмом полны страсти, полны чувств, которых тебе не понять. Ты-то подцепила неудачника, которого не смогла удержать...

– Это так называемая страсть довела тебя до больницы.

– Просто все зашло слишком далеко. Ему нельзя бить меня по лицу, так прописано в договоре.

Эмили искренне верила, что уже ничто не может ее шокировать. Оказывается, может.

– Вы... Вы договорились о том, куда тебя можно бить?!

– Когда все успокоится, Грэму придется заплатить за нарушение условий, хоть это и было вынужденной мерой.

Эмили не верила собственным ушам – как не поверила Бритт, когда та рассказывала про отношения родителей, потому что это было слишком мерзко и противно.

– Тебе нравится... Тебе это нравится!

– Не будь ханжой. Мы полны страсти даже после восемнадцати лет в браке. Настоящей страсти. У моего мужа тяжелая, нервная работа, надо куда-то выплескивать эмоции. Кто ты такая, чтобы меня судить? Посмотри, что я имею. Большой красивый дом в престижном районе, отпуск на любом курорте, какой только захочу, муж, покупающий мне шикарные украшения, бурная интимная жизнь...

Элайза развела руками, с жалостью глядя на сестру.

– А что есть у тебя, Эмили? Старая развалина, куча бунгало, за которыми надо следить, и полное отсутствие мужчин рядом?

Эмили опешила. Они сидят в камере, сестра избита, в тюремной робе, за дверью ее сторожит охранник – и все же она по-прежнему считает себя королевой.

Причем она не потрудилась упомянуть свое главное сокровище.

– Знаешь, Элайза, кажется, ты кое-что забыла. Еще у тебя двое детей.

– Я никогда их не хотела, – отмахнулась та, как от старой тряпки. – Я выполнила свою часть сделки. Родила наследников. Справилась идеально. У них было все хорошо – дорогая одежда, отличная школа. Уроки танцев для девочки, спорт для мальчика. Музыка для обоих, хотя Зейн оказался полным бездарем. Здоровое питание, дисциплина, учеба и время на отдых.

Оказывается, изумлению не может быть предела.

– Так они – часть вашего договора?!

– Как наша семья выглядела бы без детей? Мужчина вроде Грэма должен поддерживать статус.

– То есть они были нужны исключительно для статуса? И тебе без разницы, что твой муж бьет Зейна?

– Если ребенок грубит, его наказывают. Тем более он давно взрослый.

– То есть, по сути, тебе на него плевать.

– Его отправили бы учиться в хороший университет. Выучился бы на врача, добился бы многого в жизни. А что теперь? – Она безразлично пожала плечами. – Понятия не имею, что насчет него решит Грэм. Мы пока это не обсуждали.

– Вы с Грэмом больше ничего не будете решать. Дети теперь со мной.

– Не смей меня. Какой судья отберет детей у родителей нашего статуса и положения?

– Любой. У вас больше нет ни статуса, ни положения. В полиции все про вас известно.

– Слова подростков против наших.

– А еще показания сотрудников отеля, куда вы отвезли Зейна после того, как Грэм его избил. Об этом ты не подумала, правда? – добавила Эмили, увидев испуг в глазах сестры. – Не учла, что ваше вранье может в один прекрасный день аукнуться? И много других доказательств, но о них пусть лучше рассказывает полиция и твой адвокат, кем бы он ни был. У тебя есть шанс пойти на сделку и снять с себя часть обвинений. В любом случае, когда дело дойдет до суда, я буду среди тех, кто дает показания против вас с Грэмом.

Лицо у Элайзы под синяками вспыхнуло.

– Ты всегда была сучкой и мне завидовала. Теперь радуешься. Потому что я красивее тебя, успешнее и вышла замуж за врача!

– Нет, Элайза, на самом деле я никогда тебе не завидовала, и мне ни капельки тебя не жалко. Я пришла лишь затем, чтобы убедить сказать правду, пойти на сделку и скостить несколько лет срока. А теперь... Мне без разницы. Не буду желать удачи, сестренка. – Эмили встала. – Потому что мне плевать, что с тобой будет.

Заметив на лице сестры страх, она склонила голову.

– Интересно, вы с Грэмом договаривались о том, что будете делать в случае такого исхода? Вы хоть думали, что когда-нибудь все рухнет и придет час расплаты?

Эмили пожала плечами.

– Он-то наверняка думал.

Она повернулась к двери и занесла руку, чтобы постучать.

– Позвони адвокату!

Эмили оглянулась.

– Какому?

– Тому, которого нашла. Я хочу, чтобы у меня был свой.

– Хорошо, Элайза. Позвоню. Но это последнее, что я для тебя сделаю.

Эмили постучала в дверь и вышла, не оглядываясь.

* * *

Все процедуры заняли немало времени, но Ли был рад помучить Грэма ожиданием. Окружной прокурор требовал оставить того под стражей, отказав в праве освобождения под залог, в качестве весомого аргумента ссылаясь на двух несовершеннолетних, получивших травмы и находящихся в потенциальной опасности.

Помогло и вмешательство Тома Боста.

Так Ли выиграл немного времени, чтобы новый адвокат Элайзы Бигелоу ознакомился с делом и убедил ее пойти на сделку.

Когда он соизволил начать допрос, интуиция подсказывала, что все уже хорошо. Еще она подсказывала, что Бигелоу, скорее всего, не до конца откровенен со своим адвокатом.

Ли включил диктофон и сел.

– Все вопросы адресуйте мне, – сказал адвокат.

– Конечно. Как, возможно, вам известно, миссис Бигелоу обратилась к другому специалисту. Я только что разговаривал с ней и с ее новым адвокатом. Она сдала вас, Бигелоу. Пошла на сделку.

– Супруги не могут свидетельствовать...

– Не в этом случае, – перебил Ли. – Речь о планировании и совершении преступлений сообща. Миссис Бигелоу решила смягчить себе наказание. Ее можно понять.

Грэм что-то зашептал адвокату.

– Мистер Бигелоу хотел бы поговорить с супругой.

– Обсудите этот вопрос с ее адвокатом и начальником исправительной женской колонии Северной Каролины, куда миссис Бигелоу отправят на ближайшие пять-десять лет. Ей могли бы дать и меньше, от трех до пяти, если бы она не соврала, отправив тяжело раненного сына за решетку. И если бы не удерживала силой несовершеннолетнюю дочь, пока муж колот ей наркотик, чтобы девочка не могла дать показания. Это значительно осложняет дело. Что до вашего клиента, – продолжал Ли, открывая папку, – ему светит максимальный срок.

– Мы будем утверждать, что миссис Бигелоу не в себе из-за травм, нанесенных родным сыном; она сильно пострадала и физически, и душевно.

– Попробуйте, но психиатр ее уже осмотрел. Да, некоторые проблемы имеются, но как только она решила сотрудничать, очень многое выплыло наружу. Например, факт, что ваш подзащитный ударил своего несовершеннолетнего сына в живот битой после игры, поскольку

сын имел неосторожность пропустить подачу. Ему тогда было одиннадцать. У нас такое принято называть нападением с применением оружия.

– Мой клиент все отрицает. Мы подали еще одно прошение об освобождении под залог.

– Да, видел. Но прежде чем обсуждать этот вопрос, давайте вернемся на пару лет назад. Хотелось бы удостовериться, что подзащитный верно проинформировал вас о событиях, случившихся двадцать третьего декабря тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

По мере разговора Ли доставал из папки бумаги.

– Двадцать третьего декабря двое несовершеннолетних детей вашего клиента вернулись из школы и увидели, что отец избивает мать. Сын решил вмешаться, в результате чего был избит до потери сознания.

– Мой клиент категорически отвергает эти домыслы.

– Затем несовершеннолетнего, которому на тот момент было четырнадцать, заперли в комнате, не оказав врачебной помощи. Ему сломали нос. Также у ребенка были многочисленные ушибы в области ребер, гематомы под глазами, сотрясение мозга. Нос, кстати, присутствующий здесь врач позднее вправил безо всякой анестезии. Более того, ребенка на сутки лишили еды.

– Очевидно, что Зейн страдает от психического расстройства, – начал адвокат.

– Сэр, у вас есть дети?

– Едва ли это относится к делу.

– И все-таки ответьте.

– У меня два сына, но они уже взрослые.

– Думайте про них, когда будете читать эти бумаги. По всей видимости, доктору Бигеллоу не хотелось пропускать отдых в том году, невзирая на состояние сына. Здесь показания нескольких сотрудников горного отеля «Кантри резорт и спа», где они останавливались всей семьей с двадцать шестого по тридцатое декабря.

Не спуская глаз с Грэма, Ли толкнул бумаги к адвокату.

– Сперва предполагалось, что у ребенка грипп – так сказали родственникам, чтобы не пустить их к нему на Рождество. Здесь версия, которую сообщили сотрудникам отеля.

Грэм снова наклонился, но адвокат вскинул руку, призывая того молчать.

– Мальчик, даже больной, мог упасть с велосипеда.

– А здесь показания соседей, учителей и начальника полиции в Лейквью, а также родной тети. Как ребенок, подхвативший грипп, мог упасть с велосипеда, просидеть весь отдых взаперти в отеле – и свалиться с лыж?

Ли подвинул еще несколько бумаг.

– И наконец, показания миссис Бигеллоу, подтверждающей факт избиения, насильственного удержания и последующего вранья с целью обеспечить себе алиби. Взгляните вот на это.

Он положил на стол перед юристом копию первой страницы из дневника Зейна.

– Написано рукой четырнадцатилетнего мальчика, избитого и голодного. Все детали совпадают. В ту ночь он начал вести дневник, мистер Бигеллоу. Документировать ваши побои.

– Мне надо проконсультироваться с клиентом. Допрос окончен.

– Можете консультироваться сколько угодно. Моя задача – добиться, чтобы его посадили на максимально возможный срок. Практически цель моей жизни.

– Я вас урою! Всех вас!

– Грэм, помолчите. Ничего не говорите.

– Вы отняли у них детство.

– Я дал им жизнь!

– Полную боли и ужаса.

– Они обязаны мне каждым вдохом, и только я буду решать, я один, как их воспитывать!

– Уже нет.

– Этот сопляк вздумал со мной тягаться? Пусть скажет спасибо, что я его не прибил!

– Грэм, хватит! Детектив, допрос окончен.

– Ваш юрист наверняка предложит пойти на сделку, учитывая улики. – Ли ткнул пальцем в копию дневника. – Так вот, вас это не спасет. Я отправлю вас за решетку.

– Можете попрощаться со значком. Вы теперь даже охранником в торговый центр не устроитесь.

– Ага, конечно.

Ли выключил запись и вышел.

Времени ушло немало – машина правосудия движется не спеша, – но год спустя Ли поднял бокал пива с мыслью: дело сделано.

Глава 7

Одним весенним днем, когда зеленела трава и распускались цветы, Ли ехал вдоль озера, и настроение у него тоже было цветущим. Голову забивали разные мысли: предстояло немало дел и непростых решений, но глядя, как в воде отражается небесная синь и белыми лодками плывут облака, он испытывал несвойственный прежде оптимизм.

Добро не всегда побеждает, и не всегда торжествует истина: за время работы в полиции он убедился в этом не раз. Однако иногда правда берет свое, и тогда надо, черт возьми, радоваться.

Ли свернул к дому у озера и подъехал в тот самый момент, когда Эмили вылезала из пикапа.

Даже время – и то сложилось как нельзя удачнее.

На ней были джинсы с дырками на обоих коленях, футболка такого же сочного синего цвета, что и небо, и та самая оранжевая толстовка, которую она год назад надевала на Бритт. Эмили теперь называла ее своим талисманом.

Волосы, темные как ночь, были заправлены под бейсболку.

Ли с удовольствием отметил, что выглядит она потрясающе.

Увидев вылезавшего из машины Келлера, Эмили сняла очки и внимательно на него посмотрела.

– Новости хорошие. По лицу вижу. – И все-таки она прижала руку к груди. – Но говори сразу, не тяни.

– От пятнадцати до двадцати. Его переводят в центральную тюрьму Роли.

Ухватившись за борт пикапа, Эмили шумно, протяжно выдохнула и подняла другую руку.

– Погоди минутку.

Она отошла от машины в сторону озера. Обняла себя и уставилась в зеркально-синюю воду. Почувствовала, как ветер мягко гладит лицо. Снова выдохнула и услышала, что Ли подходит и становится рядом.

– Я хотела приехать сегодня на слушания, хоть ты и просил этого не делать. Не затем, чтобы лишний раз его увидеть... Просто решила посмотреть ему в лицо, когда зачитают приговор. Отвезла детей в школу и стала собираться.

– Почему не приехала?

– Ленни – это моя старшая горничная – не смогла выйти на смену. Простудился ребенок. И моя заместительница – тоже. Резко разболелся зуб. У Лоис – ты ведь помнишь Лоис, это заместительница моей заместительницы – срочно нашлись другие дела. А у нас все бунгало заняты, еще и день смены постельного белья, работы по уши. Марси одна не справлялась, вот я и...

Она выдохнула ровнее. Ли взял ее за руку и встал ближе.

– Я восприняла это как знак, что не надо ехать. Старалась даже не думать о нем, пока мою ванны и меняю белье.

Эмили кивнула, глядя на воду.

– Двадцать лет, – пробормотала она. – Детям будет почти столько же, сколько мне сейчас. А если условно-досрочное?

– Ему дали не меньше пятнадцати. Эмили. Условно-досрочное заслужить не так-то просто, и уж явно не с первой попытки. Забудь, – посоветовал Ли. – Он за решеткой. Детей никто не тронет.

– Ты прав. Скажу им, когда вернутся из школы. Скоро будут. Часа через два. – Она взглянула на часы. – Ты сейчас обратно в Эшвилл?

– Пока нет.

– Еще рано... но к черту! Давай выпьем, а?

Ли вошел вместе с ней в дом. Ему нравилось, что там беспорядок и никогда не бывает идеально прибрано. Внутри царило много света и жизни. На диване валялись разбросанные подушки – кто-то недавно лежал. На полу – пара туфель, видимо, оставленные Бритт. На кухне – остатки фруктов в вазе, кувшин с нарциссами (почти увядшими), куртка на стуле и полупустой кофейник, не убранный после завтрака.

– Кажется, у меня оставались чипсы. Или лучше крендельки?

– Не заморачивайся.

Эмили сняла кепку – темные волосы взметнулись волной – и бросила ее на стол вместе с солнечными очками.

– Опять пора в магазин. Господи, эти дети едят как не в себя. До сих пор не привыкла. – Она достала из холодильника пару бутылок пива и сняла крышки. – Год выдался еще тот, детектив Ли Келлер. Еще тот...

Стукнувшись с ним бутылками, она опустила голову.

– Если бы ты знал... – Эмили вскинула палец, не давая вставить ни слова. – Сплошные взлеты и падения, но ты, Ли, несмотря ни на что, был рядом. Я хорошо тебя знаю – даже под маской копа. Тебя что-то гложет. Лучше говори сразу.

– Бигелоу ни при чем.

– Ясно. Ладно. Тогда давай сядем на веранде, выпьем, и ты расскажешь мне, что у тебя на уме. Я не раз изливала тебе душу. Теперь твоя очередь.

– Ты права. Не мешает выговориться.

Они уселись на старые стулья, которые Эмили давно собиралась перекрасить. На ветру звенели колокольчики, подаренные Бритт. Лужайка, подстриженная Зейном в субботу, пахла свежей травой.

– У тебя чудесный дом, Эмили.

– Стараюсь. Я...

– Не сомневайся. Я весь этот год наблюдал за тобой и детьми и видел, как они меняются, понемногу расцветают. Теряют забитость. Им нелегко пришлось, учитывая суд и прочие разбирательства.

– Это заслуга психологов. Они молодцы.

– Ты тоже. Дала им крышу над головой, показала, каким должна быть настоящая семья.

– Я не одна стараюсь. Мне помогают родители. Они показали себя очень стойкими; крепче, чем дубы. Им нелегко пришлось. Все-таки речь об их дочери. Элайза тоже им родная. Но они решительно заняли нашу сторону. Моя мать, она...

Эмили закрыла глаза и покачала головой.

– Она только один раз дала слабину, когда никого рядом не было.

– Вы очень стойкие и с большим сердцем. Дубы – отличное сравнение. Уокеры все как дубы с длинными корнями.

– Наверное... Зейн и Бритт решили официально сменить фамилию. Хотят быть Уокерами.

– Мне кажется, это правильное решение.

– Мне тоже. Знаешь, Ли, соседи и друзья нас поддержали, все они выступили на нашей стороне. Иначе мы не смогли бы остаться в Лейквью.

– Здесь хорошее место, Эмили.

– Да, так и есть.

Эмили знала, что будет вечно благодарить судьбу, глядя на озеро и холмы вокруг.

– Особенно Картеры. Дети без них не справились бы. Они всегда нас поддерживали. И ты, Ли, тоже.

Эмили взяла его за руку.

– Особенно ты. Я вообще не знаю, что мы без тебя делали бы. Поэтому... – Она изобразила улыбку и повернулась к нему лицом. – Ты скажешь, что тебя гложет, и я постараюсь помочь, чтобы хоть чем-то отплатить за поддержку.

– Ладно. Сегодня я видел Боста. Вообще мы и раньше периодически пересекались, но сегодня встретились уже после вынесения вердикта. Я, Бост и еще пара человек.

Улыбка исчезла.

– Ты говорил, Грэм ни при чем.

– Ни при чем, скорее это побочное явление. Бост сдает дела.

– В смысле?

– Он уходит в отставку, – пояснил Ли. – Увольняется. Решил довести суд до конца и поставить точку. Заберет семью и, как только закончится учебный год, уедет в Уилмингтон. Так будет правильно.

Эмили качнулась, словно кивнув всем телом.

– Мне тоже так кажется. Я все-таки, пожалуй, на него обижена. Он, конечно, извинился перед Зейном и всеми нами, однако осадок остался. Не буду горевать, если Зейну больше не придется его видеть.

– Место начальника полиции освободилось. Его предложили мне.

– Тебе? – Эмили повернулась к нему, расплываясь в улыбке. – Неожиданно! Ты не подумай, я за тебя рада, только это очень резкая смена деятельности. Ты же сыщик, расследуешь уголовные преступления. Неужто готов стать шефом полиции в тихом городишке?

– Возможно. – Ли откашлялся и заерзал. – Мне нравится ваш город, нравятся здешние жители. Я уже говорил, хорошее место. Видимо, готов к переменам. Просто не хочу давить на тебя и все такое.

– При чем тут я?

– Знаешь... – Ему пришлось глотнуть пива. – Я много думал, прикидывал, как будет лучше... Или все-таки стоит промолчать? Мало ли...

Эмили никогда не видела, чтобы он настолько нервничал. Чтобы Келлер вообще нервничал.

– Извини, я не совсем тебя понимаю.

– Потому что меня понесло не в ту сторону. Давай еще раз. Хочешь поужинать?

– Конечно. Только в магазин сбегая, и... – Эмили замолчала, увидев, как Келлер вздрогнул. – О, так ты про свидание? погоди минутку...

Эмили поставила бутылку пива на пол, встала и подошла к краю веранды.

– Я вовсе не хотел... Можно куда-нибудь сходить. Всем вместе.

Эмили повернулась. Ли не просто нервничал, он еще и выглядел до ужаса смущенным.

Разве он не прелесть?

– Все ты хотел, Ли! Мы с Бритт называем это «морозиться». Целый год, Ли! Прошел целый год с тех пор, как мы приехали к тебе в участок, а ты не сделал ни единого шага. Ни единого, чтоб тебя!

– А как иначе? Я не хотел сорвать расследование или оттолкнуть вас с детьми.

– Но подумывал?

– Я... – Он глотнул пива. – Возможно. Я же не слепой дурак? Ты очень красивая женщина, с мозгами. Самая решительная на моей памяти, и у тебя самое большое сердце во всем этом чертовом мире.

Эмили прижалась спиной к столбу, чувствуя, как привычная пустота в душе понемногу заполняется чем-то теплым и трепетным.

– Никогда бы не подумала, детектив Ли Келлер, что вы романтик. По вам и не скажешь.

– У тебя и без того было проблем по горло. И у детей тоже. Не хватало им сомнительного типа, который отнимает у них тетю, когда жизнь только-только налаживается.

– Я многим тебе обязана.

Ли с размаху поставил пиво на стол – чуть громче, чем стоило бы, – и встал.

– А вот этого не надо! Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной и делала мне авансы. Меня это совершенно не устраивает. Тебя, думаю, тоже.

– Ты абсолютно прав.

– Значит, останемся друзьями, не беда. Раз тебе неинтересно...

Эмили схватила Келлера за галстук, притянула к себе и заткнула ему рот поцелуем.

Вышло неплохо. Даже очень.

Выпустив наконец галстук и погладив Ли по щеке, Эмили улыбнулась.

– Итак, детектив, вы по-прежнему думаете, что мне неинтересно?

– Не сказал бы.

Рассмеявшись, она обняла его за плечи.

– Я тоже об этом думала. «Не надо, мол, Эмили, не навязывайся, не стоит». Вот и не делала первый шаг.

Ли прижал ее к столбу и снова поцеловал.

– Так что насчет ужина?

– Я приготовлю, а ты останешься. Все равно надо будет рассказать детям про Грэма. А в субботу хочу нормальное свидание.

– Понял. – Он закрыл глаза, обнимая ее. – Я боялся, ты найдешь себе кого-нибудь до конца суда.

– Я тоже. В смысле, что ты найдешь. – Она отошла, потянув его с собой за галстук. – Идем.

– Я... Прямо сейчас? Так сразу?

Эмили вела его в дом.

– Дети придут еще не скоро. В магазин не поедем, обойдемся тем, что есть в кладовке. Пора, детектив Ли Келлер, нам обоим сделать первый шаг.

– Шеф Келлер, – поправил он, поднимаясь вслед за ней по ступеням. – Я соглашусь на эту должность.

Ли не только занял пост начальника полиции, но и к июню переехал в дом на озере. Спустя несколько месяцев, когда горы пылали осенними красками, а в воде отражался закат, они сыграли свадьбу.

* * *

В выпускной класс Зейн пошел уже под фамилией Уокер. Конечно, этим он не стер свое прошлое, но с нею стало намного проще.

Он по-прежнему старательно учился, убирался в комнате – больше в силу привычки и застарелого страха. Гулял с Микой, тренировался с Дэйвом, дразнил сестру. Выполнял обязанности по дому, помогал с бунгалом, мечтал о девушках.

Ходил к психологу.

Иногда просыпался в холодном поту, вставал и подходил к окну. Напоминал себе, что живет по другую сторону озера, что за дверью нет никого, кто ворвался бы к нему в ярости и стал избивать.

Что все кончено.

Такова была его самая заветная мечта.

Дорога в большой бейсбол оказалась закрыта. Зейну Уокеру нечем было впечатлить агентов. Он мог бы играть в городской лиге, на любительском уровне, однако рука утратила прежнюю сноровку – и этого уже не исправить.

В ночь, когда он упал с лестницы, сломался не только локоть. Сломалась его мечта, смысл жизни, все, что имело значение.

Выяснилось это не сразу. Сперва была операция, долгая реабилитация, физиотерапия. Когда доктор Маршалл дала добро, Зейн начал тренировки.

Он нарастил мышцы, но вернуть прежнюю ловкость не сумел. Ему не хватало сил, чтобы швырнуть мяч, как подобает лучшему игроку в команде.

Даже по меркам студенческого бейсбола.

Все, чего он хотел с рождения, сколько себя помнил, единственное, что ему давалось, в один миг осыпалось прахом. Сгорело к чертям.

К своему стыду, на одном из сеансов он сорвался. Впрочем, доктор Демар его понял или, по крайней мере, сделал вид. Он сказал, что не надо держать чувства в себе. Можно плакать и злиться.

Конечно, Зейну не требовалось разрешение, но так оказалось легче пережить трагедию. Помогло и то, что Эмили не стала пилить его и просить прекратить истерики. Дэйв заставил потеть на тренировках и выпускать лишний пар. А Ли... (кто бы сомневался, что они с Эмили найдут общий язык?) Ли и сам увлекался бейсболом, порой участвовал с другими копами в городских турнирах и прекрасно понимал, в чем проблема.

Поэтому Зейн рано или поздно принял реальность, хоть и частенько брал с собой в постель мячик, поглаживая швы.

Он знал, что надо составить новый план: отринуть прежние мечты и задуматься о будущем – приближалась пора выбирать колледж.

Колледж, когда-то суливший свободу, теперь виделся как в тумане, и дорога к нему была укрыта тенями и изрыта ямами.

В медицинский он не пойдет. Зейн очень уважал Дэйва, работавшего на «Скорой», но ни при каких условиях он не станет врачом.

Благодаря хорошим оценкам у него был выбор. Зейн старательно учился – во многом из-за застарелых страхов, – однако результат того стоил. Поразмыслив, он понял, что лучше всего у него идут занятия по истории и литературе, но что это дает?

Учителем он быть не хотел. Писательство тоже было ему не по душе.

Армия? Ни за что! Зейн был по горло сыт дисциплиной, чужими приказами и чертовой униформой.

Он поглаживал пальцами швы на мячике, медленно лаская вощеную красную нить.

Полиция? Звучит уже лучше. Ли – отличный парень, он ловко отправляет бандитов за решетку. Кто знает, удалось бы без него приструнить Грэма?

Так что... может быть?..

Зейн начал читать книги по уголовному праву и законодательству, пытаясь разобраться, как устроена эта система. В конце концов, у него был немалый личный опыт. Чем больше он думал, растянувшись на кровати и поглаживая швы на бейсбольном мячике, тем отчетливее видел путь – уже не такой темный и тернистый.

Даже не путь. Цель!

Он много времени потратил на то, чтобы найти к этой цели самую оптимальную дорогу. Решил сперва составить карту и увидеть все потенциальные ловушки, прежде чем озвучивать идею вслух.

Потому что тогда она станет реальной. Подарит ему надежду – только надежду, не мечту, мечтать он больше никогда не станет. Если из этой затеи ничего не выйдет, Зейн не знал, что делать.

Наконец он отважился, собрался с силами и спустился на первый этаж. Бритт куда-то убежала по своим делам, после работы Ли обещал забрать ее. Дома была только Эмили. С нею-то Зейн и решил начать.

На плите кипела кастрюля, вкусно пахнувшая в промозглый осенний вечер. Воздух был пропитан теплом, за окном барабанил дождь, а Эмили сидела за столом с ноутбуком.

Она выглядела очень счастливой. Счастье буквально парило над ней светлым облачком. Это заслуга Ли – они на удивление подходили друг другу. Зейн не знал, что такое бывает. Его родители тоже имели много общего – они сцеплялись острыми, зазубренными краями. Но вот тетушка и Ли... Вместе они складывались в идеальную картинку, наполняя дом теплом и уютом, как кастрюля с тушеным мясом на плите.

Зейн был обязан им по гроб жизни.

Когда он вошел, Эмили подняла глаза. Она лучезарно улыбнулась, слегка покраснела и знакомым движением захлопнула крышку ноутбука.

Секреты?

– Привет, дружище. Как дела?

– Отлично. Вкусно пахнет.

– Тушу курицу. Еще сварю пельмени.

– Помочь надо?

– Пока нет, если потом, с пельменями. Ты чем-то озабочен? Садись, рассказывай.

Зейн знал, что Эмили говорит искренне, что она готова выслушать его и помочь, однако по спине все равно побежали мурашки.

– Ладно. В общем, такое дело... – Он заерзал на стуле, начисто позабыв слова. – Я думаю про колледж...

Неужто у нее на лице мелькнуло облегчение? Эмили потянулась через стол и взяла его за руку.

– Молодец, Зейн. Что решил?

– У меня неплохие оценки...

– Не просто неплохие. Почти идеальные. – Зейн замешкался, и она еще раз пожала ему пальцы. – Давай, выкладывай, не стесняйся. Я понимаю, как нелегко расстаться с мечтами про большой бейсбол. Врач говорит, ты можешь попробовать себя в молодежной лиге, поэтому...

– Я буду на вторых ролях.

– Зейн, ты слишком к себе строг.

– Так сложилось, что хороших результатов я показать не смогу, а на вторые роли не согласен.

Было больно даже думать об этом, не то что говорить вслух.

– Пора забыть о мечте. Надо выбрать что-то другое. Ты знаешь, из меня хотели сделать врача...

– Не важно, чего хотели они. Важно, чего хочешь ты. Я поддержу любое твое решение.

– Я не хочу быть врачом. Думал, какие еще есть варианты, но никак не мог определиться...

– Не обязательно выбирать сразу. Можно сперва попробовать то одно, то другое.

– Нет, я решил. Я... я хочу пойти в юридический. Сперва получу степень бакалавра, это от двух с половиной до четырех лет, потом магистратура – еще три года.

Эмили откинулась на спинку стула, внимательно разглядывая племянника.

– Хочешь изучать право? Стать юристом?

– Ага. – Теперь, прозвучав вслух, идея обрела плоть. – Хочу попробовать. Лучше всего у меня обстоят дела с английским и историей, так что база имеется. Еще я взял курс по политологии, тоже неплохо идет. В Шарлоттсвилле есть Виргинский университет, до него всего пятьсот километров, поэтому я смогу приезжать домой. Говорят, у них сильная юридическая школа. Если поступлю...

– Ты проделал немалую работу, – удивилась Эмили.

– Надо было понять, есть ли вообще смысл об этом думать.

– Прежде всего... – Она подняла руку и указала пальцами себе на глаза. – Посмотри сюда. Ты правда этого хочешь? Именно этого? И ничего другого?

Господи, Зейн ее обожал. Он знал, что в первую очередь Эмили блюдет его интересы.

– Правда. Я хочу попробовать. Стать прокурором. Думал пойти в полицию, но потом решил – это не мое. Лучше в прокуратуру.

– Зейн, ты молодец. – Он посмотрел ей в глаза и увидел, как в них блестят слезы. – Ты умница. Будешь юристом... Мой дедушка тоже был юристом. Он держал контору здесь, в Лейквью.

– Да, помню. В общем, у них много стипендий, а еще я могу устроиться на работу, чтобы скопить денег. Есть всякие гранты и студенческие кредиты. В колледже я тоже буду работать. Учеба займет семь лет, потом надо сдавать экзамен. Если повезет занять должность клерка в юридической фирме или помощника при судье и если я смогу попасть на летнюю практику в хорошее место, время обучения можно сократить на год. Правда...

– Стоп. – Эмили, подавшись вперед, провела рукой по его волосам, которые изрядно отрасли. Темные, совсем как у нее, они вились вокруг лица и падали прядями на воротник. – Почему ты решил, что должен сам платить за колледж?

– Потому что Грэм не станет платить за мою учебу, да мне и не нужны его деньги. А у тебя я брат не стану. Просто не смогу.

Эмили выпрямилась и скрестила на груди руки.

– Почему ты не хочешь, чтобы я помогла тебе?

– Ты и так помогаешь каждый день.

Эмили обхватила его лицо ладонями.

– Об этом не думай. Твои бабушка с дедушкой давно решили оплатить вам с Бритт учебу. – Она подняла палец, не давая возразить. – Потому что так и должны поступать родные люди. Мы не стали говорить, чтобы не давить лишний раз. Вдруг вы не захотели бы идти в колледж, а решили бы взять перерыв и устроиться на работу. Теперь вы сами решаете, что вам нужно. Поэтому позвонишь им и сообщишь о своем выборе. Заодно скажешь «спасибо».

Эмили снова села.

– И все-таки я не хочу сказать, что зарабатывать деньги на карманные расходы не обязательно. Это тоже важно. Можешь работать у меня в бунгало или где-то еще. Главное, чтобы не мешало учебе.

– Это же семь лет. Целое состояние.

Эмили приложила палец к его губам.

– Хватит. Они сами так решили, потому что любят вас. Не забывай. Они могут себе это позволить. Просто молча прими их помощь.

Она вдруг рассмеялась.

– Зейн Уокер, чертов рыцарь. Обожаю тебя. – Эмили сгребла его в охапку. – Давай делать пельмени.

Она хотела встать, но вдруг пошатнулась и, вся белая, схватилась за стол, чтобы не упасть.

Зейн вскочил.

– Сиди. Что такое? Господи, Эмили...

– Все хорошо, правда. Просто слишком резко встала. Фух.

Она села, свесив голову между коленей.

– Что-то не так. – Он похлопал ее по спине и ринулся за водой. – Тебе плохо. Я звоню Ли.

– Мне не плохо. – Но голос звучал сдавленно и тихо. – Просто дай выдохнуть.

Зейн поставил воду на стол и принялся гладить ее по спине и волосам.

– Я звоню Ли.

– Ли знает.

Мир перевернулся. У Зейна подкосились ноги, но Эмили уже подняла голову. К лицу, слава богу, медленно возвращались краски. Она выдохнула еще раз, взяла стакан и отпила несколько глотков.

– Вот видишь: мне лучше. Ладно, ты рассказал мне свои новости, теперь, наверное, мой черед.

Зейн затаил дыхание. Эмили подняла крышку ноутбука и повернула к нему экран.

– Девять недель... беременности? Беременности?!

Эмили издала смешок, полный счастья. Взгляд Зейна невольно упал на ее живот.

– Еще ничего не видно. Хотя джинсы застегиваются с трудом.

– Ты беременна.

Эта мысль не укладывалась в голове, ей не хватало места.

– Хотели подождать пару недель, прежде чем рассказывать вам с Бритт, только ты меня подловил. Я узнала где-то за месяц до свадьбы. Сюрприз! – Эмили снова рассмеялась. – Мы решили попробовать, но не думали, что получится так скоро.

– Вы правда рады?

– Шутишь? Мы просто летаем! Знаешь, как трудно было сдержаться и ничего не рассказывать? Не только вам, а всем подряд. Другьям, соседям, первым встречным на улице... Но мы решили не спешить, чтобы вы с Бритт до конца привыкли и пошли в школу. И чтобы этот человек внутри тоже освоился... – Она положила руку на живот. – У меня немного кружится голова, но это нормально. Никакой тошноты по утрам, что очень приятно. Как тебе новости?

Зейну пришлось сесть.

– Мы с Бритт можем взять на себя дела по дому. И в бунгало тоже. Ты сиди пока, расскажи, как готовить пельмени. Не вставай, я сам все сделаю. Господи, у меня будет брат. Или сестра...

– Еще один ненормальный. – Эмили залилась слезами. – Я сегодня утром расплакалась, когда Ли сказал, что сам заберет Бритт после занятий.

– Ты его очень любишь?

– Ужасно.

– Мне кажется, эти двое – Ли и Дэйв – самые лучшие люди на свете.

– Ну вот, опять. – Она полезла в карман за салфеткой. – Вот что я скажу: прежде чем готовить пельмени, давай позвоним бабушке с дедушкой. Сообщим им сразу две прекрасные новости: и твою, и мою. Я проплачусь, а потом объясню, как правильно готовить пельмени.

– Хорошо. Эмили... – Зейн ухмыльнулся во все зубы. – У тебя замечательные новости!

* * *

Весной Эмили родила крепкого мальчугана с копной темных волос на макушке и такими мощными легкими, что им позавидовал бы Паваротти. Его назвали Габриэлем.

Той же весной, полной событий, Зейн пригласил на выпускной хорошенькую блондинку по имени Орхид (с Эшли он к тому времени расстался) и получил свой первый сексуальный опыт.

Он решил, что секс ничем не хуже бейсбола.

Бритт сыграла роль Риццо в весеннем мюзикле «Бриолин» и ненадолго, но очень пылко влюбилась в долговязого старшеклассника, который разбил ей сердце.

Зейн получил письмо из Виргинского университета и с облегчением выдохнул.

Он окончил школу, и хотя церемония вручения дипломов осталась в памяти размытым пятном, самое главное Зейн запомнил.

Мику, ждущего своей очереди подняться на сцену. Дэйва, который тянулся стукнуть Зейна по кулаку. Бабушку и дедушку с заплаканными глазами. Сестру с довольной улыбкой. Ли, державшего ребенка, чтобы Эмили могла подойти и поздравить племянника.

Его мир. Фундамент, на котором он выстроит собственную жизнь.

Часть вторая

Возвращение домой

Дом – то, откуда выходят в дорогу.
Т. С. Элиот

Не надо сильно замахиваться, чтобы бросить мяч.
Если все рассчитать правильно, очко заработаешь и так.
Йоги Берра

Глава 8

Февраль 2019

Город Лейквью в Северной Каролине Дарби выбрала неспроста. У нее была целая система.

Ей хотелось уехать на юг, но не в самое жаркое место. Жить рядом с водоемом, но не на берегу океана. В городе не слишком крупном, но и не в деревушке. И главное, чтобы из окна, куда ни глянь, открывался красивый вид.

Вдобавок там должны жить приятные люди – ей захочется завести знакомых, а то и друзей, хотя с ними спешить она не станет.

Она вообще не будет спешить. Дарби обещала себе, что какое бы место ни выбрала, если ей там не понравится, она не станет уезжать сразу: проживет пару недель, присмотрится, а потом поедет дальше.

Ей необходимо найти правильное место. Цель, надежный якорь. Она слишком долго болталась на ветру воздушным шариком, который улетит в стратосферу, стоит отвязать веревку.

Ей не хотелось летать. Хотелось пустить корни.

Поэтому Дарби изучала карты и прочесывала Интернет.

Северная Каролина подходила для ее целей как нельзя лучше. Хороший климат. Горы, в которых она прежде не бывала. Изначально гор в планах не было, но ей захотелось на них взглянуть.

Больше всех галочек заработал Лейквью. Там было озеро, желанные горы, город приличных размеров, вдобавок он находился на разумном расстоянии от более крупных городов на тот случай, если ей что-то понадобится.

Если Лейквью не подойдет, она поедет дальше.

Запомнив его расположение, Дарби изучила климатические карты Северной Каролины, количество осадков, особенности местной флоры, промышленность и варианты отдыха. Где люди делают покупки, что едят, чем занимаются.

Потом она просмотрела сайты всех тамошних отелей, хостелов и гостевых домов. Кликнула по ссылке «Уокер Лейквью бунгало».

На главной странице висела фотография Эмили Уокер Келлер, и женщина на вид производила благоприятное впечатление. Понравилось и то, что, судя по тексту, бунгало принадлежали ее семье уже три поколения. Сами домики тоже выглядели интересно. Они стояли в стороне от дороги, вдали от суеты, но не в самой глуши. Вокруг росло много деревьев. Практически лес. Дарби с интересом встрепенулась.

Наконец она определилась с выбором и забронировала домик на месяц. Если не понравится, она проживет там две недели, не станет забирать остаток платы и съедет раньше срока.

«Это будет настоящее приключение», – думала Дарби, укладывая в машину немногочисленные пожитки. Остальное она продала или отдала на благотворительность. Лучше путешествовать налегке – в доме, который она продала, ее больше ничего не держало.

Она обернулась всего один раз – посмотреть на старинный кирпичный коттедж, окруженный спящим под февральским снегом садом. Новые владельцы дали ей время собраться, за что она была весьма им признательна.

Пусть теперь они радуются саду. Ждут весну, любят пушистыми грушевыми ветками, стригут газоны, чаевничают в кухне... Скоро дом снова оживет.

Чего не было с ним уже целый год. Он спал. Как и сама Дарби.

Дом заслуживает права на хороших хозяев, и теперь, когда он их обрел, Дарби оставит его безо всякого сожаления.

Она села в машину, надела очки от яркого солнца, включила погромче радио.

И тронулась в путь.

Дорога без остановок заняла бы восемь часов. Дарби потратила на нее целую неделю. Она решила, что путешествие – это скорее эксперимент, приключение и в какой-то степени наслаждение свободой. В пути она вольна делать все, что пожелает, может свернуть куда угодно.

Завтракать солеными чипсами с холодной кока-колой.

Любоваться тем, как падает снег за окном номера в мотеле долины Шенандоа в Западной Вирджинии. Колесить по проселочным дорогам, взбираться на холмы и спускаться в ущелья. Делать большие крюки.

В Шарлоттсвилле Дарби задержалась на целый день. Она взяла экскурсию по Монтичелло, прогулялась по художественным галереям и отведала восхитительное ризотто с хрустящей корочкой под пино гриджио.

Оттуда дорога повела ее через фермы, виноградники и деревушки, мимо старых и новых домов в робкий намек на весну, в зеленую дымку, похожую на обещание, в воздух, дрожащий осторожным выдохом.

Решив с утра добраться до Северной Каролины, Дарби выбрала мотель неподалеку от границы, съела жареного цыпленка по-южному в закусочной, где ее обслужила веселая официантка по имени Мэй, которая называла ее «милочкой». Точнее «милонькой» из-за причудливого акцента.

У Мэй были пушистые осветленные, с желтоватым оттенком волосы, вызывающе черневшие у корней, пышная грудь и улыбка, такая же уютная, как и картофельное пюре с подливкой на тарелке у Дарби.

Последнюю ночь в дороге она провела, слушая, как в соседнем номере пылко занимаются сексом. Сравнивая шумных соседей с другой парочкой, подслушанной накануне, Дарби решила, что «О господи, Сьюзи!» и «Джек! Джек! Джек!» определенно заслуживают первого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.